

PANORAMA

Academic Annals

**Faculty of International Relations
Voronezh State University**

**2017
Vol. 30**

Панорама
2017 Том 30

Учредитель:
Факультет международных отношений
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» (Воронеж, Россия)

Издание основано с 2005 году.

С 2005 по 2010 год выходило как «Панорама. Ежегодник по итогам научной сессии Факультета международных отношений Воронежского государственного университета». С 2011 года выходит как периодическое издание. Периодичность: два номера в год (2011 – 2012), с 2013 года – три номера. С 2015 года издается под названием «Панорама. Научные труды Факультета международных отношений Воронежского государственного университета». К 2015 году издано 16 выпусков / номеров издания. Издания, подготовленные к печати в 2015 году, продолжают очередность предшествующих выпусков в латинской нумерации.

Редакционная коллегия:

д-р экон. н. О.Н. Беленов, проректор по международному сотрудничеству и маркетингу ФГБОУ ВО «ВГУ», профессор, декан Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»;

д-р экон. н. П.А. Канапухин, декан Экономического факультета, ФГБОУ ВО «ВГУ», заведующий Кафедрой маркетинга Экономического факультета ФГБОУ ВО «ВГУ»;

к.э.н. Е.В. Ендовицкая, заведующая Кафедрой международной экономики и внешнеэкономической деятельности Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»;

д-р ист. н. М.В. Кирчанов, отв. ред.; заместитель декана по научно-исследовательской работе, доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»;

к.г.н. И.В. Комов, преподаватель Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

к.и.н. В.Н. Морозова, заместитель декана по учебной работе, доцент Кафедры международных отношений и мировой политики ФГБОУ ВО «ВГУ»;

д-р полит. н. А.А. Слинко, профессор, заведующий Кафедрой международных отношений и мировой политики Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»;

д-р экон. н. А.И. Удовиченко, профессор, заведующий Кафедрой регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений ФГБОУ ВО «ВГУ»

Адрес редакции: 394000, Россия, Воронеж, ул. Пушкинская 16, Воронежский Государственный Университет, Факультет международных отношений, Корпус № 4, Ауд. 236

Рукописи предоставляются в редакцию по электронной почте. При этом необходимо сообщить: ФИО, место работы, ученую степень и звание, контактные данные (номер телефона и адрес электронной почты). Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за содержание текстов и аутентичность цитат несут Авторы. Редакция осуществляет необходимое стилистическое редактирование и техническое форматирование с целью унификации полученных материалов. Мнение членов Редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов публикуемых статей.

ISSN 2226-5341

© Воронежский государственный университет, 2017
© Составление, ФМО ВГУ, 2017
© Авторы, 2017

Содержание

А.А. Болдырихин, Кризис европейской идентичности в современных условиях общественно-политической нестабильности	4
Анжела Сидорова, Региональная социально-экономическая политика Федеративной Республики Германия	12
В. В. Фролова, Экономический сепаратизм в регионах Европы как угроза государственной целостности	19
М.В. Кирчанов, Проблемы политического языка в Грузинской ССР в 1960 – 1970-е гг.	24
А.А. Козельская, Проблема правого экстремизма: современные реалии немецкого общества	32
Анастасия Сидорова, Особенности германо-российского инвестиционного партнерства в XX веке и в начале XXI столетия	39
А. Неделя, Конструктивное формирование украинской идентичности после проведения Евромайдана	44
М.В. Кирчанов, Статут Каталонии 1979 г. в контексте институционализации национального в политической сфере региона	48
Н. Плешакова, Миграционный кризис в Европе: причины и последствия для ЕС	53
М.В. Кирчанов, «Денес над Македонија се раѓа ново сонце на слободата»: формирование политического национального пространства в СР Македонии во второй половине 1940-х годов	60
Т. Белова, Энергетическая дипломатия России в Азиатско-Тихоокеанском регионе	68
М.С. Уразов, Особенности развития агропромышленного комплекса Дании на современном этапе	75

Кризис европейской идентичности в современных условиях общественно-политической нестабильности

В данной статье автор анализирует предпосылки возникновения и развития системного кризиса концепции европейской идентичности на современном этапе. Предметом исследования является конструкт евроидентичности и влияние различных социальных, политических и экономических факторов на его трансформацию. Цель исследования – изучить многоуровневость кризисных явлений в масштабе Европейского Союза, сопоставив теоретические аспекты с результатами социологического исследования. В итоге автор делает вывод относительно перспектив дальнейшего развития идеи европейской идентичности. Результатом исследования является заключение о том, что возрастающие националистические тренды являются реакционными по отношению к наднациональным процессам интеграции, а будущее евроидентичности будет определяться в результате итогов политических трансформаций в Европейском Союзе.

Ключевые слова: европейская идентичность, евроскептицизм, системный кризис, измерения кризиса, реакционность.

In this article the author analyzes the prerequisites for emerging and development of the systematic crisis of the European identity at present times. The subject of the research is the European identity construct and the influence of various social, political and economic factors on its transformation. The aim of the research is to study the multileveled crisis events on the scale of the European Union, comparing the theoretical aspects with the results of sociological survey. The author concludes upon the perspectives of the European identity concept development. The result of the research shows that the growing nationalist trends mostly represent the reaction to the supranational integration processes, and the future of the European identity would be depending much on the results of political transformations within the European Union.

Keywords: European identity, euroscepticism, systematic crisis, crisis dimensions, reaction.

Введение. В настоящее время крайне широко обсуждается вопрос изучения европейской идентичности и процесса ее трансформации с использованием цивилизационного подхода, который представляется наиболее логичным в целях избегания конфликта между национальной и этнической идентичностями. Политика идентичности в ЕС затрагивает этапы становления собственно политической идентичности, сочетающей общегражданский и единый европейский типы идентичности, последний из которых усиленно конструируется в ЕС с акцентом на политические (институциональные) и макроэкономические факторы. В этой связи принято трактовать конструкт европейской

идентичности как особую, функционально сложную вариацию идентичности социальной, объединяющую в себе структурные элементы остальных видов [1; С. 52 – 53]. Цель данной статьи – изучить процессы, связанные с формированием и трансформацией концепции евроидентичности и сделать выводы относительно возможных перспектив и направлений ее дальнейшего развития.

Понимание европейской идентичности и системный кризис. С исторической точки зрения конструирование европейской идентичности берет свое начало 14 декабря 1973 г., когда девять стран подписали в Копенгагене небезызвестную Декларацию европейской идентичности. Цитируя положения, обозначенные в данном документе, в контексте данной публикации уместно обратиться к следующим фразам: «Девять стран-участниц имеют политическую волю к успешному созданию объединенной Европы... Данный процесс является открытым для всех европейских наций, которые разделяют те же самые идеалы и цели... Европейская идентичность будет эволюционировать как динамическая конструкция объединенной Европы» [2].

Однако, еще в 2008 г. Р. Дженкинс утверждал, что по его наблюдениям уже тогда существовал широкий дискурс среди политиков и исследователей о том, что Европа, и в особенности страны-члены ЕС, находятся в стадии «кризиса идентичности». Данный кризис связывался в разное время с разными процессами и событиями, такими как, например, волны расширения ЕС в 2004 и 2007 гг., затянувшийся вопрос о членстве Турции в ЕС и неодобрение Европейской конституции. К тому же, Р. Дженкинс задавался вопросом: действительно ли ситуация в Европе является кризисом, или же о нем говорить пока рано и ситуация не отклонилась от нормального хода вещей, характерного для столь сложного и долгосрочного процесса [3; Р. 153 – 155]. В частности, он подчеркивал, что столь амбивалентная ситуация является для Европы «рутинной» или даже «хронической», тем не менее, не исключаящую возможность «кризиса» как элемента проекта «Евросоюз» или же как результата сложения других, менее масштабных кризисных ситуаций, имевших место быть и обусловленных масштабностью проекта евроинтеграции, историческим прошлым Европы и разными уровнями экономического развития стран-членов ЕС [3; Р. 176]. Кроме того, другие исследователи выделяли и такие факторы, как недостаточно сильное эмоциональное восприятие концепции европейской идентичности [4], а также опасения, связанные с постоянно усиливающимся потоком мигрантов [5].

К примеру, исследователи Дж. Деланти и К. Румфорд понимают европейскую идентичность не как наднациональный концепт, который существует сам по себе, но как некий элемент, органично встроенный в национальные идентичности народов Европы и изначально существующий в таком качестве [16, Р. 54 – 55]. В этом смысле интересен тот факт, что подобное понимание евроидентичности отсутствует у большинства мигрантов, особенно нелегальных, которые в большинстве случаев испытывают серьезные трудности с интеграцией в европейское общество и зачастую образуют огромные анклав в больших городах (например, привокзальный район в Мюнхене, турецкие кварталы Берлина, африканские кварталы Парижа, и т.д.) В таких районах сложно встретить коренного немца или француза; мигранты здесь говорят на своих национальных языках, товары в магазинах завозятся исключительно из домашних регионов, на работу нанимают только «своих».

В связи с вышеизложенным, вывод о провальности миграционной политики Европейского Союза на сегодняшний день вполне очевиден, что сказывается на трансформации всей концепции европейской идентичности: в то время, как европейцы все еще стараются придерживаться традиций мультикультурализма и открытости, вновь прибывающие толпы мигрантов отказываются принимать участие в процессе языковой, культурной и ценностной интеграции.

Четыре измерения кризиса евроидентичности. Сегодня в контексте значительной варибельности дальнейших направлений развития Европейского союза, исследователи вновь говорят о том, что в ЕС имеют место быть не только экономический и политический кризисы, но и кризис идентичности [6]. Данный экзистенциальный кризис ставит под вопрос возможности и потенциал Европейского Союза оставаться некоей признаваемой во всем мире целостностью, утвердив заново свои цели, задачи и предназначение.

На современном этапе становится все более очевидным факт эволюции европейской концепции идентичности в совершенно иную сторону, чем того могли ожидать «отцы-основатели». Некоторые исследователи полагают, что в настоящее время ЕС проходит не только фазу финансового и политического кризисов, но и кризиса идентичности, проходящего в тесной взаимосвязи с первыми двумя. И. Нтампуди из Центра Европейских Исследований Университета Астон полагает, что имеют место четыре измерения кризиса идентичности в современном

Евросоюзе [7]. Первое из них связано с позицией ЕС как глобального гаранта безопасности, демократии, благополучия и процветания. Данная концепция находится под большим сомнением, т.к. ЕС оказался не в состоянии обеспечить безопасность не то что во внешнем мире, но даже для собственных граждан, что подтверждается событиями осени 2015 – весны 2016 гг. Особенно сильно данные события повлияли на европейскую молодежь, которой приходится переосмысливать уже ставшие привычными для молодых европейцев концепции открытости и всеобщей толерантности. Сюда же можно отнести и острый миграционный кризис, который привел не только к еще более глубокому расколу внутри политических структур и институтов Европейского Союза, но и заставил разделить мнения граждан ЕС относительно миграционной политики на диаметрально противоположные.

Второе измерение кризиса идентичности относится к качественному аспекту развития ЕС, где главный вопрос – трансформация Евросоюза в более технократическую наднациональную структуру и размывание концепции общего демократического социального пространства. Третье измерение связано со значительным усилением националистических тенденций, культурных стереотипов и региональных противоречий, что в итоге привело к реконфигурации изначального смысла национальной и европейской идентичности. В довершение всего, результирующим, четвертым измерением кризиса становится снижение общего уровня единства и желания дальнейшей интеграции [7; Р. 2].

Особенного внимания заслуживает тот факт, что с институциональной точки зрения усилению тенденций евроскептицизма способствовало вступление в члены ЕС стран восточноевропейских стран, где присутствует значительный опыт функционирования посткоммунистических политических партий, не имеющих истории фактической политической конкуренции, что не способствует созданию единого политического пространства, или хотя бы осмысления его необходимости [8; Р. 28].

По результатам неформальных бесед с гражданами Австрии, Бельгии, Германии, Нидерландов и Франции, становится все более ясным, что вера в политические институты и традиционные партийные системы неукоснительно снижается из года в год. Население Европейского Союза желает видеть у руля политиков нового образца, которые могли бы выражать интересы самых различных слоев общества. Сложность состоит в том, что резкие

кризисные колебания не позволяют быстро адаптироваться к все более усложняющейся ситуации, а существующая политическая система ЕС является во многом весьма инертной и неповоротливой. В связи с чем электорат находит возможным и логичным переориентироваться на радикальные и даже в ряде случаев экстремальные политические силы, таким образом, усиливая размывание политического «центра». Так, сразу в целом ряде стран наблюдается резкий рост популярности правых и ультрарадикальных партий. В настоящее время значительно укрепили свой рейтинг такие политические силы, как «Партия независимости Соединенного Королевства» (Великобритания), «Партия Свободы» (Австрия), «Национальный фронт» (Франция), правоцентристский «Новый Фламандский Альянс» (Бельгия), движение евроскептиков «Пять звезд» (Италия) и т.д. [9; Р. 90] [10]

Жители ряда стран Западной Европы также выражают недовольство по поводу того, что национальные правительства слишком сильно зациклились на доктринах времен «холодной войны» и пытаются найти варианты ответов там, где их быть не может. Политикам необходимо преодолеть этот застойный этап и вернуть кредит доверия для дальнейшей успешной работы, чтобы реконструировать принципы объединенной Европы с учетом новых политических реалий и объяснить населению, какие выгоды принесет им новая европейская идентичность – если таковые покажутся существенными [11].

Как полагает М.В. Берендеев, «концепции европейской идентичности оказались в некоторой методологической ловушке. С одной стороны, существуют уже готовые императивы и методы продвижения и развития Европы, но, с другой стороны, трудно сказать, насколько эти методы интеграции применимы к реалиям современности» [12; С. 77].

Следует также отметить, что глобализационные процессы оказывают деструктивное влияние и на другие субъекты, также тесно связанные с формированием идентичности. К таковым можно отнести семью, культуру, цивилизацию, этнос, и т.п. Всеобъемлющая «глобализация всего и вся» в итоге негативно воздействует на основные составляющие человеческой личности и восприятия гражданином самого себя, трансформируя мировоззренческие установки и видоизменяя их под новым, неизвестным ранее, углом, нарушая целостность идентичности как таковой.

В целом можно сделать вывод, что взятые в совокупности на макроуровне все вышеперечисленные явления становятся

серьезной предпосылкой к масштабным кризисным процессам, провоцируя конфликты между различными культурами.

Исследование евроидентичности в рамках программы EU in Depth. По предварительным результатам анкетирования, проведенного по программе EU in Depth FP7 исследователями Воронежского государственного университета в странах-членах Европейского Союза в октябре – декабре 2015 г., только 14,2% респондентов однозначно отождествляют понятие «Европа» с понятием «Европейский союз», и всего 5% – с общеевропейской экономикой и зоной евро. При этом 56,9% указали, что географические границы Европы выходят за рамки ЕС и располагаются от Гибралтара до Уральского хребта. Весьма незначительный процент опрошенных (всего 13%) считают себя исключительно гражданами своей страны, тогда как подавляющее большинство все же позиционируют себя как граждане Европейского Союза [13]. Большинство опрошенных (60,9%) абсолютно убеждены, что быть европейцем означает быть гражданином одной из стран ЕС и разделять традиционные общеевропейские ценности.

Данные цифры косвенно подтверждают тезис о том, что в умах современных европейцев наблюдается заметная неопределенность в самоидентификации: с одной стороны, мы имеем возможность говорить о значительном усилении национальных векторов в современной Европе и растущей поддержке радикальных партий; с другой стороны, европейская идентичность отнюдь не является неким теоретическим конструктом, но представляет собой вполне объективное явление. Тем не менее, мы вправе сделать вывод о том, что в современных условиях общественно-политической нестабильности оно находится на этапе серьезной трансформации, зачастую именуемой «кризис идентичности» [14]. Наличие сразу нескольких измерений данного кризиса обусловлено тем, что концепт европейской идентичности является крайне многоуровневым и уже сам по себе представляет предмет для самых различных интерпретаций и широких дискуссий.

На современном этапе развития концепции общеевропейской идентичности перед исследователями становятся новые задачи, связанные как с вхождением так называемой «новой Европы» в ЕС, так и с колоссальной волной неконтролируемой иммиграции из зон военных конфликтов, не говоря уже о все усиливающихся трендах евроскептицизма. Ожидания различных народов, входивших в состав западноевропейского блока и стран бывшего

СССР, на сегодняшний день не вполне совпадают с теми целями и задачами, которые изначально были поставлены перед основателями объединенной Европы. Многообразие идентичностей, существующих на территории современного Европейского Союза, подвергается существенному негативному воздействию, связанному с общим кризисом Еврзоны и вынужденным переосмыслением концепций объединенной Европы, поскольку в реалиях современного мира постулаты двадцатилетней давности уже не являются релевантными. Традиционные европейские ценности (христианство, культурное наследие, семья, правовое государство, толерантность) сегодня оказываются недостаточно сильными, чтобы объединять европейские народы в условиях мощнейших внутри- и внешнеполитических вызовов нашего времени.

Выводы. Можно с большой долей уверенности утверждать, что вышеперечисленные кризисные явления, евроскептицизм, возрастающие националистические тренды по своей сути являются реакционными по отношению к наднациональным процессам интеграции, которые в итоге ведут к нивелированию политических границ, меняя механизмы и иерархию уже давно сложившихся и потому привычных этнокультурных взаимосвязей. В данном контексте уместно обратиться к концепции постнационализма, который сам по себе является сложным многоуровневым явлением. То, что мы наблюдаем сегодня, можно также назвать реакцией населения Европы на усиление постнациональных трендов в конце девяностых – начале двухтысячных годов [15, Р. 136 – 140]. Это явление также можно считать весьма действенной предпосылкой к тому, что сегодня мы называем кризисом европейской идентичности, характерного для времен переходного периода, когда изначальная концепция ЕС заметно устарела и не соответствует реалиям современного мира, а новая еще не успела сформироваться ввиду стремительности и непредсказуемости развития событий.

На сегодняшний день ЕС оказался на переходном этапе своего политического и институционального развития, и концепция европейской идентичности на данном фоне претерпевает серьезные изменения. Будущее данной концепции зависит в первую очередь от политических решений, принимаемых руководством Европейского Союза, поскольку именно они будут определять долгосрочные векторы развития, и именно от них будет зависеть, возьмет ли верх реакционная составляющая, или

все же ЕС сохранит изначальный курс на интеграцию идентичностей.

Библиографический список

1. Линченко А.А., Романов А.О. Европейская идентичность и целостность исторического сознания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Online journal. – 2015. – №11. – С. 51 – 54.
2. Declaration on European Identity. Copenhagen, 14 December 1973. URL: http://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf (дата обращения: 07.11.2016)
3. Jenkins R. "The Ambiguity of Europe: Identity Crisis or Situation Normal?" // European Societies. - 2008. - Vol. 10, №2, P. 153 – 176.
4. Guibernau M. "The Birth of a United Europe: On Why the EU has Generated a "Non-emotional" Identity" // Nations and Nationalism. – 2011. – Vol. 17, № 2, P. 302 – 315.
5. Verhofstadt G. "The United States of Europe". – London: Federal Trust, 2006; Delanty G. "Fear of Others: Social Exclusion and the European Crisis of Solidarity" // Social Policy and Administration. – 2008. – Vol. 42, №6, P. 676 – 690.
6. Harding G. "The Myth of Europe" // Foreign Policy Magazine. – 2012. http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/01/03/the_myth_of_europe (дата обращения: 12.02.2017).
7. The Eurozone Crisis and the European Union's Identity Crises / Ioanna Ntampoudi. – New Horizons in European Studies: Aston Centre for Europe, Aston University, 24-25 April 2014 – P. 1 – 2.
8. Verney S. "Euroscepticism in Southern Europe: A Diachronic Perspective" // South European Society and Politics. – 2011. – Vol. 16, №1, P. 1 – 29.
9. Pullen A., Rhodes C. The Routledge Companion to Ethics, Politics and Organizations. – London: Routledge, 2015. – 538 P.
10. Bartlett J. How Beppe Grillo's social media politics took Italy by storm // The Guardian. – February 26th, 2013.
11. The role and impact of local and regional authorities within the European Union Opinions on the different levels of public authorities and awareness of the Committee of the Regions (Report) http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_307_en.pdf (дата обращения: 14.02.2017).
12. Берендеев М.В. «Европейская идентичность» сегодня: категория политической практики или дискурса? // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – Выпуск 6. – С. 70 –79.
13. The International Research Project "European Identity and Political Challenges" <http://www.inco.vsu.ru/en/euinddepth/> (дата обращения: 20.02.2017).
14. Claude Grunitzky: "Europe faces an identity crisis". – February 19th, 2014. <http://www.euwatcher.eu/blog/claude-grunitzky-europe-faces-an-identity-crisis/> (дата обращения: 15.10.2016).
15. Soysal Y. Limits of Citizenship: Migrants and Postnational Membership in Europe / Y. Soysal. – University of Chicago Press, 1995. – 251 P.
16. Delanty G., Rumford C. Rethinking Europe: Social Theory and the Implications of Europeanization. – Routledge, 2005. – 232 P.

Региональная социально-экономическая политика Федеративной Республики Германия

В данной статье анализируется уровень социально-экономического развития как Германии в целом, так и отдельных федеральных земель в частности, а также поднимается проблема дифференциации внутрирегионального развития государства. Также уделяется внимание принципам реализации региональной политики на территории страны и региональным программам развития.

Ключевые слова: Германия, экономика, региональная политика, региональное развитие.

На современном этапе развития Федеративная Республика Германия – это высокоразвитое европейское государство, которое занимает важное место в мировой экономике и играет значимую роль на международной арене. Как известно, экономика страны является крупнейшей экономикой Европы и одной из крупнейших экономик мира, что подтверждается её высокими социально-экономическими показателями. Так, Германия находится на четвёртом месте в мировом рейтинге по уровню валового внутреннего продукта (ВВП), который в 2016 г. составил 3.132,67 млрд. евро, а средний уровень доходов населения (так называемый брутто-доход) равен примерно 30.000 евро в год или же 2.500 евро в месяц. Стоит также сказать, что Республика является членом множества международных организаций, таких, как Организации Объединённых Наций (ООН), Организации Североатлантического договора (НАТО), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирного банка и Международного валютного фонда (ВМФ) и, конечно же, Европейского Союза (ЕС). Тем самым, ФРГ, обладая мощной экономикой, совместно со своими иностранными партнёрами выступает за прогрессивное развитие и мирное сосуществование.

Однако на сегодняшний день в Федеративной Республике Германия имеется большое количество как внутренних проблем, так и внешних вызовов и угроз. Необходимо отметить, что экономическая и социальная целостность страны – это один из первоочерёдных вопросов, который не теряет своей актуальности уже достаточно длительное время. Западная и восточная части современной Германии были формально независимыми государствами ещё со времён окончания Второй мировой войны. Жители двух государств имели свою

культуру, традиции, которые складывались с течением времени, особый диалект немецкого языка и, что является не менее значимым аспектом, собственную экономическую модель развития. Позже эта разница стала одной из ключевых составляющих внутрирегиональной дифференциации Германии.

Разделение Германии на четыре оккупационные зоны с последующим образованием двух государств – Федеративной Республики Германия (ФРГ) и Германской Демократической Республики (ГДР) – способствовало отдалению этих стран друг от друга. За более чем 40 лет возник значительный разрыв между ними во всех областях общественной жизни: политической, экономической, социальной и культурной. Впоследствии данные различия, особенно в экономическом отношении, стали причиной возникших трудностей при воссоединении ФРГ и ГДР.

Поворотным моментом в истории Германии являются события, произошедшие в 1989-1990 гг., в результате которых были открыты границы, и произошло так называемое «падение» Берлинской стены, выполнявшей роль стокилометрового забора между разрозненными частями некогда единой страны. С того времени начали устанавливаться тесные экономические взаимоотношения, люди смогли наконец-то свободно общаться со своими родственниками, жившими за стеной.

Однако даже спустя 25 лет после объединения запад и восток государства сильно отличаются друг от друга. Современная статистика показывает существенные различия по социально-экономическим показателям. Так, молодёжь массово уезжает из восточных земель в западные в поисках работы и лучшей жизни. Беря во внимание такой показатель, как численность населения, можно найти данному факту подтверждение. Например, в западной земле Баден-Вюртемберг на 2015 г. проживало практически 11 млн. человек, в то время как в восточной земле Саксония-Анхальт всего лишь около 2,5 млн. Если же взять показатель уровня безработицы, можно также увидеть существенные отличия. В Саксонии-Анхальт уровень безработицы на 2016 г. составил 9,6%, а в Баден-Вюртемберге – 3,8%; тем самым, этот показатель почти в 2,5 раза выше на востоке страны, чем на западе, что наглядно демонстрирует нам отставание восточных земель в

уровне социально-экономического развития. Стоит сказать и том, что сами немцы не чувствуют себя до сих пор единым народом: они идентифицируют себя больше со своим регионом проживания нежели с нацией в целом.

Но несмотря на тогдашнее разделение Федеративной Республике Германия удалось создать самую мощную экономику в Европе и стать одной из ведущих экономик мира. И чтобы удерживать свои лидирующие позиции не только в Европейском Союзе, но и на международной арене Германии необходимо обеспечивать стабильное социально-экономическое развитие федеральных земель, а именно стараться сгладить существующие различия между западными и восточными землями с помощью реализации различных программ развития, а также разработки мер на общегерманском уровне.

Прежде чем поведи речь о программах развития и общегерманских мерах, хотелось бы остановиться на принципах реализации региональной политики в Федеративной Республике Германия. В Конституции ФРГ закреплён так называемый принцип федерализма, который организует совместную работу центра и регионов. На основе данного принципа федеральные земли обладают правом самостоятельно проводить региональную политику, опираясь на местную Конституцию; помимо этого, они имеют собственные политические институты: земельные Правительства, земельные Парламенты (Ландтаги), суды, органы управления и администрации. В Конституции Германии проводится разграничение полномочий федерального центра, земель и местных властей. В ней определены предметы совместного ведения федерального центра и земель, которые охватывают более 20 сфер регулирования. По большому числу вопросов компетенции регионов и центра очень тесно переплетаются, поэтому для принятия многих решений требуется взаимное согласование. В немецкой литературе Федеративная Республика Германия нередко именуется «кооперативной федерацией», тем самым подчёркивается наличие законодательно закреплённого многопланового сотрудничества между федеральным центром и землями, а также земель между собой. Однако всё же существуют некоторые области регулирования, такие, как внутренняя безопасность, внутреннее управление, образование и СМИ, находящиеся в ведении

лишь федеральных земель.

Хотелось бы перейти к программам и мерам социально-экономического развития восточных земель Германии. Одной из самых значимых региональных программ является так называемая программа «Подъём Востока». В действительности «Подъём Востока» – это распространённое обозначение всего комплекса политических и экономических мероприятий, которые должны были приблизить уровень жизни в восточных землях к западногерманским стандартам. В 1990-е гг. было предпринято множество действий по развитию востока: совершенствование межрегиональных автомобильных и железных дорог, улучшение коммунальной инфраструктуры, строительство промышленных зданий и офисов, модернизация и возведение нового жилья.

Помимо данной программы были запущены и иные, поскольку после воссоединения было необходимо в самые короткие сроки сгладить имеющиеся различия. В 1995 г. центр и федеральные земли заключили «Договор солидарности – I», в соответствии с которым из Фонда немецкого единства восточные земли должны были получить до 2004 г. сумму в размере 160,7 млрд. для своего социально-экономического развития. Здесь необходимо отметить и тот факт, что именно данный договор оказывал финансовую поддержку программе «Подъём Востока». Затем был подписан новый «Договор солидарности – II», согласно которому центр с 2005 по 2019 гг. предоставит бывшим землям ГДР 156,6 млрд. евро. Начиная с 2005 г., планировалось ежегодно выделять 10,5 млрд. евро, а к концу 2019 г. размер выплат должен снизиться до 2,1 млрд. Две трети от общей суммы «Договора солидарности – II» направляются для преодоления финансовой неустойчивости восточногерманских общин; другая часть служит основой в контексте реформы финансового выравнивания. Помимо предоставления дополнительных финансовых средств для социально-экономического развития восточных земель в соответствии с двумя договорами были проведены изменения в налоговой системе, предусматривающие перераспределение налоговых поступлений в пользу востока Германии. Был введён дополнительный налог в западных землях в размере 7,5% к заработной плате, доходов и налога на прибыль корпораций всех налогоплательщиков, однако позднее

ставка налога была снижена до 5,5%.

За весь период с момента объединения страны удалось добиться серьёзных успехов в деле сокращения отставания восточных земель. Например, если в 1991 г. производительность труда на востоке государства составляла всего 45% от уровня западных земель, то в 1995 г. она уже была 72%, а в 2007-2008 гг. – около 79%. Но несмотря на огромные финансовые вливания и меры стимулирования полностью устранить межрегиональные диспропорции до сих пор так и не удалось. В ряде случаев меры региональной политики, принимаемые в отношении восточных земель, способствовали появлению новых проблем. Массированное финансирование и быстрый переход к западногерманской модели сильного государственного регулирования рынка труда привели к снижению конкурентоспособности предприятий Восточной Германии. Во многих районах наблюдалось закрытие промышленных объектов, что привело к деиндустриализации и способствовало повсеместному росту безработицы и оттоку населения в Западную Германию.

Хотелось бы сказать о том, что на современном этапе Правительство Федеративной Республики Германия, которое играет ключевую роль в определении и проведении региональной политики, также осуществляет следующие меры по поддержке и развитию федеральных земель:

- предлагает дополнительную помощь регионам, которые не могут разрешить возникшие проблемы своими силами;
- обеспечивает единую схему для проведения реструктуризации и развития всех земель;
- создаёт системы оказания помощи, которые исключают конкуренцию между регионами.

Таким образом, региональная социально-экономическая политика центральных властей на современном этапе развития осуществляется в широком масштабе, потому как Бундесрегирунг крайне заинтересовано в скорейшем выравнивании экономических и социальных различий между западными и восточными землями, поскольку Федеративная Республика Германия является ключевым игроком в рамках Европейского Союза и одним из важнейших акторов на международной арене; и чтобы удерживать такие лидирующие

позиции ей необходимо иметь мощную экономику и оставаться действующим «локомотивом Европы», а также обеспечивать стабильное социально-экономическое развитие регионов, так как они – залог успешного развития Германии. На протяжении многих лет осуществлялись различные региональные программы развития и проводились меры поддержки, вследствие которых были достигнуты достаточно высокие положительные экономические результаты. Однако столь быстрый переход к капиталистической западной модели привёл и к некоторым трудностям в восточных землях страны. Дисбаланс в социально-экономическом отношении остаётся и на сегодняшний день, но Германия делает всё возможное, чтобы искоренить эту проблему.

Библиографический список

1. Arbeitslosenquote in Baden-Württemberg von 1994 bis 2016 // Das Statistik-Portal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/2516/umfrage/entwicklung-der-arbeitslosenquote-in-baden-wuerttemberg-seit-1999/>, свободный. – Загл. с экрана
2. Arbeitslosenquote in Sachsen-Anhalt von 1994 bis 2016 // Das Statistik-Portal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/2523/umfrage/entwicklung-der-arbeitslosenquote-in-sachsen-anhalt-seit-1999/>, свободный. – Загл. с экрана
3. Aufbau Ost // Bundeszentrale für politische Bildung [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bpb.de/nachschlagen/lexika/lexikon-der-wirtschaft/18713/aufbau-ost>, свободный. – Загл. с экрана
4. Aufbau Ost kostete 1,3 Billionen Euro // SPIEGEL ONLINE [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/studie-zur-einheit-aufbau-ost-kostete-1-3-billionen-euro-a-659990.html>, свободный. – Загл. с экрана
5. Bruttoinlandsprodukt (BIP) in Deutschland von 1991 bis 2016 (in Milliarden Euro) // Das Statistik-Portal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1251/umfrage/entwicklung-des-bruttoinlandsprodukts-seit-dem-jahr-1991/>, свободный. – Загл. с экрана
6. Durchschnittseinkommen in Deutschland // Durchschnittseinkommen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://durchschnittseinkommen.net/durchschnittseinkommen-in-deutschland/>, свободный. – Загл. с экрана
7. Entwicklung der Einwohnerzahl in Baden-Württemberg von 1960 bis 2015 // Das Statistik-Portal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/154878/umfrage/entwicklung-der-bevoelkerung-von-baden-wuerttemberg-seit-1961/>, свободный. – Загл. с экрана
8. Entwicklung der Einwohnerzahl in Sachsen-Anhalt von 1961 bis 2015 (in 1.000) // Das Statistik-Portal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/155169/umfrage/entwicklung-der-bevoelkerung->

- von-sachsen-anhalt-seit-1961/, свободный. – Загл. с экрана
9. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland // Официальный сайт немецкого Бундестага [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bundestag.de/grundgesetz>, свободный. – Загл. с экрана
 10. Landespolitik // Bundeszentrale für politische Bildung [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bpb.de/izpb/159364/landespolitik?p=all>, свободный. – Загл. с экрана
 11. Solidarpakt // Bundeszentrale für politische Bildung [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bpb.de/nachschlagen/lexika/lexikon-der-wirtschaft/20546/solidarpakt>, свободный. – Загл. с экрана

Экономический сепаратизм в регионах Европы как угроза государственной целостности

The article drew attention to the current situation in Europe, which is connected to the separatist tendencies in some regions, based on economic independence (for example, Scotland, Bavaria, Catalonia, Vallonia and others).

Keywords: separatism, economic base, European Union, independence.

В статье обращено внимание на текущую ситуацию в Европе, связанную с активным ростом сепаратистских тенденций в ряде регионов Европы (таких, как, например, Шотландия, Бавария, Каталония, Валлония и других), основанную на сильной экономической позиции данных регионов.

Ключевые слова: сепаратизм, экономические предпосылки, Европейский союз

В настоящий момент сепаратизм является одной из наиболее актуальных проблем. Вопрос активно обсуждается как в политических, так и в научных кругах. Сепаратизм – это сложное, неоднозначное, многоликое явление. Он в одно и то же время и оправдан внутренними чувствами справедливости, и опасен радикализмом и агрессией

Упомянув о неоднозначности сепаратизма, следует назвать тот факт, что сепаратизм, представляющий собой дело регионального уровня по факту оказывается делом международного значения. Факт наличия сепаратистских настроений либо очевидных проявлений радикальных форм освободительных движений в том или ином государстве часто снижает авторитет этого государства, иногда является оправданным, а порой надуманным камнем преткновения в межгосударственной политике.

Еще большую важность вопросу сепаратизма придает влияние сепаратистских процессов на экономику. Экономический фактор в сепаратизме является одним из основных, особенно в тех случаях, когда речь идет о благополучной с экономической точки зрения Европе. Современная Западная Европа экономически развита хорошо; это предполагает, что данный регион с высокой степенью вероятности может подвергаться экономическим угрозам. Необходимо обратить внимание на то, что сопутствует сепаратистским целям у организаций и движений, выступающих за какую бы то ни было региональную независимость, а также ответить на вопрос: какие эти движения –

левацкие или же тяготеют к правому радикализму, националистические или же нет. Существует масса критериев для определения сепаратистских движений. Собственно, сам факт наличия сепаратистских движений с их весьма конкретными взглядами на политическое устройство мира и региона, на экономику будет влиять на развитие Европы будущего [1].

Актуальность темы сепаратизма в Европе породила множество исследований в этой области, притом большинство исследований в области сепаратизма направлены на изучение проблемы Балканского региона. Но это ни в коей мере не умаляет внимания, уделяемого и другим европейским регионам, таким как Испания со Страной Басков, Фландрия в Бельгии, Северная Италия, Корсика, Шотландия и др. Все процессы, протекающие на территории того или иного европейского региона, каким-либо образом оказывают влияние на соседние регионы.

Между тем на передний план выходит сепаратизм совершенно иного рода. Никак не связанные с радикальным протестом, его представители выдвигают, в первую очередь, экономические аргументы и находят сторонников не среди угнетенных национальных меньшинств, а среди среднего класса. Лидеры новых сепаратистских организаций совсем не похожи на повстанцев-подпольщиков [2]. Напротив, они возглавляют региональные администрации, управляют многомиллионными бюджетами, заседают в парламентах и проводят с «капитанами бизнеса» встречи, посвященные инвестиционной привлекательности подвластной им территории. Эти движения в принципе не являются национальными, даже если иногда используют националистическую риторику. Их главная идея — защита региональных интересов, причем, в первую очередь, интересов финансовых.

Очаги нового сепаратизма — Шотландия, Каталония, Бавария и Фландрия. Если прежние националистические движения представляли территории относительно бедные, то сейчас речь идет как раз о наиболее развитых и богатых регионах, стремящихся отделиться от менее успешных соседей.

Разумеется, в каждом случае есть свои особенности. Например, шотландские националисты ностальгируют по независимому королевству, существовавшему триста лет назад, и вспоминают про его

конфликты с Англией. Однако эти дела давно минувших дней имеют мало общего с требованиями современных сепаратистов, заметно усиливших свои позиции лишь после того, как на севере Великобритании начали добывать нефть. Шотландия в составе Британской Империи не только не была угнетенной или отсталой территорией, но напротив, находилась в привилегированном положении. Шотландцы занимали непропорционально много мест в бюрократии и армии Соединенного Королевства, а Глазго, деловая столица региона, расцвел в XIX веке, став вторым по значению городом империи. Сегодня Шотландия обладает не только изрядными запасами углеводородов, но и более развитой промышленностью, чем Англия [3].

С другой стороны, Фландрия на протяжении большей части прошлого века уступала по уровню жизни и развития промышленности франкоязычным территориям Бельгии. В течение всего этого времени речи о разделе страны не было. Но к концу XX века социально-экономический баланс начал стремительно меняться. Металлургия и другие отрасли, составлявшие славу бельгийской индустрии прошлого, стали приходить в упадок. Напротив, во Фландрии развивались новые производства, не пострадавшие от перестройки мировой экономики и последующих кризисов [4]. В итоге, если ранее Фландрия получала поддержку из центрального бюджета, то теперь она сама вынуждена вносить в общую казну больше, чем получает из нее.

Несколько более сложная картина получается при взгляде на историю Каталонии. С одной стороны, эта часть Испании всегда была самой богатой и развитой. С другой стороны, жители Каталонии регулярно жаловались на притеснения со стороны Мадрида, неоднократно восставали и становились жертвами репрессий [5]. Несмотря ни на что стоит добавить, что в рамках современного националистического дискурса любые конфликты между региональными элитами и центром, равно как и любые социальные протесты, имевшие место на данной территории, автоматически зачисляются в категорию национально-освободительной борьбы, хотя сами участники событий наверняка очень удивились бы, узнав про такую интерпретацию.

Региональная бюрократия, стремящаяся повысить свой статус, оседлать и перераспределить существенные финансовые потоки,

ранее направлявшиеся в национальный бюджет, является основной опорой сепаратистских движений. Причем, если в случае с Шотландией, местная администрация считается относительно «чистой», то в Каталонии не утихают коррупционные скандалы.

Еще одна важная черта нового сепаратизма состоит в том, что несмотря на кажущуюся общность его требований с требованиями прежних национальных движений, речь идет не о том, чтобы добиться отделения от государства какой-либо из его национальных окраин, а о ликвидации существующего национального государства как такового. Выделение Шотландии, Каталонии, Фландрии или Баварии равнозначно распаду Великобритании, Испании, Бельгии или Германии. Ни одна из этих стран не сможет сохраниться как единое целое, утратив регионы, имеющие ключевое значение не только для ее экономики, но и для сохранения существующей национальной идентичности, культурной традиции и исторической общности народа. И не следует недооценивать исторический символизм происходящего. Именно слияние Кастилии и Арагона (ядром которого была нынешняя Каталония) создало Испанию, а Великобритания возникла в процессе объединения Англии и Шотландии. Что же касается Бельгии или Германии, то эти страны просто невозможно представить себе без Фландрии или Баварии.

Более того, важнейшей особенностью нового западного сепаратизма является замещение классовой солидарности приверженностью новой региональной идентичности, объединяющей представителей местного труда и капитала в противостоянии населению других регионов. Примером может послужить крах радикальной Социалистической партии Шотландии, которая была одной из ведущих сил региона всего 5-7 лет назад [6]. Изрядная доля вины за это лежит, конечно, на самих левых, которые вместо того, чтобы бороться против регионального сепаратизма, пытались примкнуть к нему, эксплуатируя те же самые лозунги.

Новый сепаратизм оказался в условиях мирового экономического кризиса исключительно эффективным инструментом, с помощью которого недовольство людей перенаправляется на удобные местным элитам цели. Региональное начальство выводится из-под удара, а весь заряд социального гнева обращается против столицы. Причем не

только против центрального правительства, но и против всех, кто проживает за пределами сепаратистского региона.

На данном этапе сепаратистские проекты для Европы пока наталкиваются на серьезное сопротивление, а их идеология привлекает далеко не всех. Тем не менее, независимость совершенно не обязательно является конечной целью новых сепаратистов. Более того, есть все основания полагать, что создание независимого государства очень быстро привело бы к дискредитации и краху политических сил, которые сегодня требуют отделения. Поэтому комфортной для них становится ситуация, когда напуганный сепаратизмом центр делает одну за другой уступки элите, требующей независимости региона. Ресурсы центрального правительства подходят к концу, сепаратистские лидеры сохраняют свои позиции при каждом голосовании, перекладывая на столицу всю ответственность. И пока кризис продолжается, такая игра имеет все шансы, следовательно, проигравшими новых сепаратистов называть излишне рано.

Библиографический список

1. Барышников Д. Н. Конфликты и мировая политика / Д. Н. Барышников. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток — Запад, 2008. — 384 с.
2. Гринин Л.Е. Глобализация и проблемы национального суверенитета//Полис. – 2008. - № 1.
3. Кинг Ч. Эдинбург: поиски независимости и будущее сепаратизма/ Ч. Кинг // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 4. – С. 34-36.
4. Пожидаев Е. Демонтаж национальных государств и расцвет сепаратизма в Европе / Е. Пожидаев // Империя. — 2006–2013. — Режим доступа: <http://www.imperiya.by/comments3-15044.html>
5. Хенкин С. Потенциал регионального сепаратизма в Испании / С. Хенкин // Российский совет по международным делам. – 2012. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=514
6. Сепаратизм Шотландии - следствие ее экономических успехов // Радио «Голос России». – 2012. – Режим доступа: http://rus.ruvr.ru/2013_03_25/Separatizm-SHotlandii-sledstvie-ee-jekonomich-eskih-uspehov.

Проблемы политического языка в Грузинской ССР в 1960 – 1970-е гг.

В центре настоящей статьи – проблемы политического языка в Грузинской ССР во второй половине 1960-х – начале 1970-х годов. Показана роль грузинского языка в процессе социализации в грузинском обществе негрузин. Грузинский язык проанализирован в контексте развития грузинской идентичности, а учебники грузинского языка – как каналы формирования лояльности и политической идентичности.

Problems of political language in Georgian SSR in the second half of 1960s and in the beginning of 1970s are analyzed in this article. The author touches upon problems Georgian language role in the process of socialization in Georgian society of non-Georgians. Georgian language is analysed in the context of development of the Georgian identity. Textbooks of Georgian language are analyzed by author who presume that textbooks were channels which assisted to formatin of loyalty and political identity.

В республиках советского Закавказья наиболее важным фактором, который играл роль при определении идентичности был национальный язык [5, 8, 10, 14]. Именно язык относился к числу мощнейших факторов национального воображения и националистической мобилизации, гарантировавших успешное функционирование самого грузинского политического дискурса. Конституции союзных республик содержали статьи о национальных языках, но только Конституция Грузинской ССР декларировала статус грузинского языка как государственного на территории *всей* республики. В советский период грузинская интеллигенция усиленно и активно защищала статус и права грузинского языка, сохранив грузинскую графику в то время, когда нации Поволжья и Средней Азии пожертвовали арабским письмом, а позднее латиницей, замененной кириллицей. Грузинский язык, применявший свою оригинальную графику, был важным средством поддержания и культивирования национальной идентичности [6, 9, 10, 12]. Язык и алфавит играли роль национально консолидирующих факторов. Грузины, жители Грузинской ССР, которые владели грузинским языком, имели гораздо больше шансов быть воспринятым своими, чем выходцы из других республик, для которых основным языком общения нередко был русский. Это вовсе не означало того, что Грузия была закрыта для мигрантов из других союзных республик – советская миграционная политика способствовала некоторому притоку русскоязычного населения в национальные республики.

С другой стороны, Грузинская ССР имела ярко выраженные национальные особенности. Подобно тому, как в прибалтийских республиках, обладавших значительной спецификой, русские до распада СССР не проявляли особой заинтересованности в изучении местных языков, в Грузинской ССР они в своем большинстве не декларировали готовности изучать грузинский язык. Не исключено, что именно то, что отпугивало русских (грузинский алфавит, который радикально отличался кириллицы) было одним из условий национальной консолидации, позволявших грузинским интеллектуалам осознавать свою уникальность и идентичность, противопоставляя себя другим национальным интеллигенциям [4, 13, 14, 15]. Тем не менее перед грузинской интеллигенцией в Грузинской ССР, которая отличалась значительной степенью проявления национальной идентичности, стояла задача приобщения к грузинской культуре пребывающих в союзную республику негрузин. Значительная часть негрузин имела русское (или славянское) происхождение, используя в качестве языка общения русский. Приобщение к грузинской культуре происходило, в первую очередь, через изучение грузинского языка в силу того, что для грузинской интеллигенции была характерна весьма устойчивая традиция соотносить идентичность именно с языком [1, с. 44 – 70; 3, с. 71 – 115].

Задачу приобщения новых жителей Грузинской ССР к грузинскому языку были призваны решить не только доминирования надписей и вывесок на грузинском языке, численное преобладание грузин среди сотрудников советских предприятий и учреждений, но и учебники грузинского языка, которые делились на две категории. Первая категория представлена учебниками, по которым в школах Грузинской ССР учились дети, говорившие на грузинском языке. В значительной степени эти учебники играли роль идентичную учебникам русского языка в большинстве школ РСФСР. Вторая категория была представлена учебниками, предназначенными специально для негрузин – лиц, которые не владели грузинским языком. Фактор языка показателен в контексте развития национализма. Грузинский язык играл значительную роль в реализации той модели национальной консолидации и модернизации, которая была возможна в рамках советского авторитарного режима. С другой стороны, учебники грузинского языка для негрузин, например Д. Джавахии и Г.И. Цибахашвили,

предназначенные для лиц владеющих русским языком, несли значительную идеологическую нагрузку, предлагая их потребителям определенные варианты восприятия политической и социальной действительности, в том числе, связанной с функционированием националистического дискурса. Эти тексты демонстрируют то, как грузинский язык использовался для легитимации политических процессов, являясь, с другой стороны, средством национальной мобилизации и консолидации для грузин как носителей языка.

Грузинские интеллектуалы уделяли значительное внимание грузинскому языку, который в рамках политического и культурного дискурса Грузинской ССР позиционировался как важнейший фактор, определяющий национальную идентичность [17, р. 535 – 548]. В силу этого обстоятельства учебник Г.И. Цибашвили открывался введением, написанным академиком Шотой Дзидзигури, которое было призвано подчеркнуть значимость грузинского языка не только в рамках культурного, но и политического дискурса Грузинской ССР. Введение открывалось двумя эпитафиями из Н. Марра и Д. Аллена. В первом подчеркивалось, что «грузинским языком выражается все, что только можно выразить... грузинский язык настолько богат, что по своим свойствам является языком мирового значения», а во втором внимание акцентировалось на том, что «грузинский алфавит является весьма совершенным инструментом для передачи богатства разнообразных звуков... и никакой другой алфавит не может с ним сравниться» [7, с. 3]. Шота Дзидзигури особое внимание акцентировал на том, что грузинский язык не только является «государственным языком Грузинской Советской Социалистической Республики», но и относится к числу древнейших». Дзидзигури писал и о политической значимости языка, констатируя, что именно грузинский язык является «языком начального, среднего, высшего образования, языком партийных и советских органов, Академии наук и научно-исследовательских учреждений, театров, радио и телевидения» [7, с. 4]. Столь широкая сфера применения в СССР была характерна кроме грузинского для русского и армянского языков, а так же для языков прибалтийских республик в то время, как статус национальных языков в республиках РСФСР был несравнимо ниже. Кроме этого Ш. Дзидзигури утверждал, что именно на грузинском языке говорили «древние грузинские племена – колхи и

иберы» [7, с. 3]. В подобном восприятии грузинского языка заметен характерный для грузинского политического дискурса примордиализм и стремление грузинских национально ориентированных авторов подчеркнуть непосредственный континуитет между традициями древней грузинской государственности и социалистическими реалиями Грузинской ССР.

Учебник грузинского языка, как национального, был призван не только научить грузинскому языку, содействуя некоторой позитивной языковой ассимиляции (в силу предполагаемой возможности, в случае успешного освоения материала учебника, использовать более сложную литературу исключительно на грузинском языке), но и сформировать особый тип политической лояльности и идентичности, интегрированный в советский дискурс. Учебник 1965 года отличался значительным национальным сентиментом: например, он открывался разделом, посвященным грузинскому алфавиту, особое внимание уделялось запоминанию произношения и написания грузинских букв, что было сложно для русскоговорящих жителей Грузинской ССР, которые привыкли использовать кириллицу. Одной из важнейших задач учебника было поддержание советской идентичности и политической лояльности. Поэтому в тексте учебника мы находим немало политической лексики и устойчивых выражений, которые играли роль политических лозунгов, призванных подчеркнуть лояльность и верность советскому строю и коммунистической партии. Среди подобных политических выражений – «გაუმარჯოს მშვიდობას» («Да здравствует мир!»), «ამხანაგებო, იბრძოლეთ მშვიდობისათვის» («Товарищи, боритесь за мир!»). Другие выражения, предлагаемые для заучивания, были призваны подчеркнуть преимущество советского строя, акцентируя внимание на благосостоянии советских граждан – «მე ვყიდულობ ძროხას, ხარს, ქათამს» («Я покупаю корову, быка, курицу» [2, с. 21, 23, 165]).

Советский политический язык имел значительный социально-экономический бэк-граунд. Поэтому, в советский период в языках народов СССР особую роль начинает играть лексика, связанная с самим экономическим функционированием Советского Союза. Эта лексика отличалась не только значительным разнообразием, но и политической маркированностью. В учебниках грузинского языка середины 1960-х

годов значительное внимание уделялось изучению лексики, связанной именно с трудовыми и производственными отношениями. Именно поэтому мы находим слова типа «ზეინკალი» («слесарь»), «ქარხანა» («завод»), «მკერავი» («швея») [2, с. 24]. Кроме этого изучающим грузинский язык предлагалось перевести с русского на грузинский идеологически выверенный текст, который выглядел следующим образом: «колхозники убирают урожай машинами. Машины облегчают тяжелый труд людей. Колхозники собирают богатый урожай. Богатеет и крепнет родная страна». Для перевода предлагались и тексты, которые, с одной стороны, были призваны подчеркнуть преимущества социализма, а, с другой, критиковали и обличали капитализм: «раньше крестьянин сеял и молот, а хлеб попадал к помещику на стол... советские люди орошают безводные степи» [2, с. 29, 66]. В значительной степени учебник отражает и ту лексику, которая возникла в Грузии в результате советизации и была призвана описывать особенности советского политического строя и общественной жизни, что, например, относится к таким понятиям, которые устойчиво ассоциируются именно с советской эпохой, как «საბჭოთა კავშირი» («Советский Союз»), «მწერალთა კავშირი» («Союз писателей»), «პიონერთა ორგანიზაცია» («пионерская организация»), «კომკავშირის ორგანიზაცია» («комсомольская организация»), «მუშათა კლასი» («рабочий класс» [2, с. 28, 196]).

Учебники национальных языков в СССР были одним из каналов пропаганды идей пролетарского интернационализма и дружбы народов. В этом контексте не является исключением и учебник грузинского языка 1965 года, содержащий текст «ჩვენი სამშობლო» («Наша Родина»), который, с одной стороны, декларировал, что «ჩვენ გვიყვარს ჩვენი სამშობლო» («Мы любим нашу Родину»), а, с другой, утверждал, что «ქართველები, რუსები, სომხები, აზერბაიჯანელები ძმურად ცხოვრობენ» («Грузины, русские, армяне и азербайджанцы побратски живут»). Одной из целей учебника было способствовать формированию особой политической идентичности и лояльности, что достигалось за счет создания позитивного образа СССР. В частности, этому должны были способствовать многочисленные выражения типа «სსრ კავშირის მოქალაქეებს აქვთ განათლების უფლება»

(«Граждане СССР имеют право на образование») или «სსრ კავშირში ყველგან შემოღებულია საყოველთაო სავალდებულო რვაწლიანი განათლება 7-დან 15 – 16 წლის ასაკამდე ბავშვებისა და მოზარდებისათვის» («В СССР повсеместно введено всеобщее обязательное восьмилетнее образование для детей и подростков в возрасте от 7 до 15 – 16 лет» [2, с. 28 – 29, 194]).

Изучающим грузинский язык для перевода предлагались следующие фразы, которые имели ярко выраженный социальный и политический бэк-граунд. Речь идет о таких фразах как «Победа социалистической революции в Грузии положила начало новой эпохи в истории грузинского народа», «За период Советской власти Грузия достигла огромных успехов», «В социалистической Грузии созданы и получили большое развитие металлургическая, машиностроительная, горнорудная, электротехническая, химическая и другие отрасли промышленности», «Расцветает культура грузинского народа – национальная по форме, социалистическая по содержанию», «В дружной семье народов нашей страны, под руководством Коммунистической партии, грузинский народ борется за новые успехи в развернутом строительстве коммунистического общества»... Кроме формирования позитивного образа СССР значительное внимание в учебнике было уделено культивированию аттрактивного и положительного образа Грузии. В частности, изучающим грузинский язык в качестве примеров предлагалось запомнить следующее выражение: «საქართველო უძველესი მაღალი კულტურის ქვეყანაა, რომელიც თავისი არსებობის სამ ათასეულ წელზე მეტ ხანს ითვლის» («Грузия – страна древней высокой культуры, насчитывающей более трех тысячелетий своего существования»). Особое внимание было уделено формированию позитивного образа грузинского языка: «ქართულ ენაზე არის მდიდარი ძველე, ახალი და უახლესი ლიტერატურა» («На грузинском языке имеется богатая, древняя, новая и новейшая литература»), «ქართული ენა ერთ-ერთი უძველესი დამწერლობის ენაა, მდიდრულად დოკუმენტირებული 15 საუკუნის მანძილზე» («Грузинский язык – один из древнейших языков, богато документированный на протяжении 15 веков») [2, с. 194, 205] Учебник грузинского языка 1965 года

сопровождался словарем, в состав которого вошла лексика, возникшая или обретшая свое особое значение в советский период и, поэтому, отражавшая специфику советского общества. Это, например, относится к таким словам как «გეგმა» («план»), «გეგმიანი» / «საბეჭდო» («плановое»), «თვითკრიტიკა» («самокритика»), «მეთაური» («передовая статья»), «საბჭოთა» («советский»), «ყრილობა» («съезд») [2, с. 214, 222, 227, 235, 243]...

Подводя итоги, следует уделить внимание нескольким проблемам, связанным с функционированием националистического языкового политического дискурса в Грузинской ССР. Этот дискурс может лишь условно быть определен как «политический» в виду того, что проявления национальной идентичности и национального были вытеснены за пределы политического поля, сместившись в сферу гуманитарного знания, например – исследований грузинского языка. Языковой дискурс в Грузинской ССР был дискурсом не столько чисто языковым, лингвистическим, сколько политическим и социально маркированным. На протяжении существования Грузинской ССР язык в республике не только сохранял свой официальный государственный статус, но и подвергался сознательной политизации, что привело к политизации всей сферы использования и доминирования грузинского языка.

В рамках языкового дискурса возник своеобразный политический суб(под)дискурс, призванный описать политические и социальные явления, порожденные исключительно советской действительностью. Этот дискурс развивался в условиях значительного влияния со стороны русского языка, который в СССР, вероятно, в наибольшей степени подвергся принудительной политизации. В анализируемых текстах мы можем констатировать наличие национально и социально маркированных образов, некоторые из которых тесно взаимосвязаны. В этой ситуации трудно прийти к однозначному выводу, формированию какой идентичности должен был способствовать в Грузинской ССР учебник грузинского языка как иностранного – национальной или политической. Вероятно, именно первой в силу того, что был рассчитан на неносителей грузинского языка. Формированием второй занимались советские политические и социальные институты. Контент учебника для национальной школы был призван содействовать успешной

социализации негрузин в Грузинской ССР, готовить их к восприятию коммунистической идеологии и сформировать у них особую политическую идентичность и лояльность.

Библиографический список

1. *Биллинг М.* Нации и языки // Логос. Философско-литературный журнал. 2005. № 4 (Язык и национальное сознание). С.44 – 70.
2. *Джавахиа Д.А.* Учебник грузинского языка для негрузин. Краткий курс. Тбилиси, 1965.
3. *Сильверстейн М.* Уорфианство и лингвистическое воображение нации // Логос. Философско-литературный журнал. 2005. № 4. С.71 – 115.
4. *Фишман Дж.* Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. Философско-литературный журнал. 2005. № 4. С. 116 – 124.
5. *Хобсбом Е.* Нации и национализм от 1780 до днес: Програма, мит, реалност / прев. от англ. *М. Пупева и Е. Георгиев.* София, 1996.
6. *Хрох М.* Язык как инструмент гражданского равенства // *Ab Imperio.* 2005. No 3. С. 21 – 34.
7. *Цибашавили Г.И.* Элементарный курс грузинского языка. Тбилиси, 1973.
8. *Brennan G.* Language and Nationality // *Nations and Nationalism.* 2001. Vol. 7. No 3. P. 317 – 338.
9. *Bourdieu P.* Language and Symbolic Power. Cambridge, 1991.
10. *Fishman J.* Language and Nationalism. Rowley, 1973.
11. *Haav K.* What are the repercussions of using language as a political tool by nationalist elites?. Budapest, 2006
12. *Hroch M.* The Social Interpretation of Linguistic Demands in European National Movements. Florence, 1994.
13. *Hutton C.M.* Linguistics and the Third Reich: Mother-tongue, Fascism, Race and the Science of Language. L. – NY., 1999.
14. *Kamusella T.* Language as an Instrument of Nationalism in Central Europe // *Nations and Nationalism.* 2001. Vol. 7. No 2. P. 235 – 251.
15. *Joseph J.E.* Eloquence and Power: the Rise of Language Standards and Standard Languages. L. – NY., 1987.
16. *Joseph J.E.* Language as Fiction: Writing the Text of Linguistic Identity in Scotland // *English Literatures in International Context / eds. H. Autor, K. Stierstorfer.* Heidelberg, 2000. P. 77 – 84.
17. *Jones St.* The Georgian Language State Program and its Implications // *Nationalities Papers.* 1995. Vol. 23. No 3. P. 535 – 548.

Проблема правого экстремизма: современные реалии немецкого общества

В статье рассматривается проблема современного правого экстремизма в ФРГ. Проанализированы основные формы, составляющие и особенности правого экстремизма как отдельного феномена немецкого общества.

Ключевые слова: правый экстремизм, радикализм, миграция

The article is devoted to the problem of modern right-wing extremism in the Federal Republic of Germany. The article includes the analysis of the main forms, components and significant features of right-wing extremism as a particular phenomenon of German society.

Key words: right-wing extremism, radicalism, migration

Правый экстремизм как сложный многогранный феномен стал одной из наиболее насущных проблем для многих стран Европы, которая затрагивает почти все сферы жизнедеятельности человека, начиная от сферы безопасности, заканчивая сектором экономики. Сообщения в СМИ, освещающие преступления, совершенные на почве расизма, ксенофобии, исламофобии, можно расценивать как обыденный элемент новостных лент, и, кажется, уже не вызывающий какого-либо удивления у самих европейцев. В условиях масштабных миграционных потоков, изменения религиозного и этнического состава населения стран Европы естественно обостряются всплески правых радикальных настроений.

Среди всех стран ЕС ФРГ, локомотив Европы, столкнулась с проблемой правого экстремизма больше остальных стран. Всплески националистических настроений, лозунгов, появление различных форм националистических группировок - вот та действительность, в которой существует не только само немецкое общество, но и немецкое правительство, старающееся предотвратить интенсификацию дальнейшего развития данной тенденции. Вопрос о том, является ли современный правый экстремизм в Германии определенным отголоском прошлого страны, неким исторически смоделированным феноменом или же это преобразованное в новую форму явление, базирующееся на совершенно иных столпах, безусловно, нельзя рассматривать однозначно, тем самым данный вопрос формирует масштабное поле для дискуссий в научных, общественных и

политических кругах.

Современный правый экстремизм в Германии представляет собой весьма неоднородное собирательное явление, которое отличается многообразием его элементов и их характеристик. самого понятия «экстремизм» в немецком законодательстве не существует. В процессе судопроизводства и рассмотрения дел, связанных с нападениями на иностранцев членов националистических движений, опираются на Уголовный кодекс ФРГ, параграфы 129-130 о создании вооруженных преступных группировок и подстрекательстве против народа.

В годовом отчете Министерства внутренних дел Германии отмечено, современный правый экстремизм представляет собой совокупность из правых политических партий, свободных объединений нео-нацистов, а также субкультурных бригад или группировок, которые апеллируют к жестоким способам «борьбы с иностранцами», как с основной угрозой для немецкого народа.

На сегодняшний день наиболее сильным организованным правым радикальным элементом, как и в конце XX века, являются политические партии, которые сегодня позиционируют себя как голос народа и борборников за истинные национальные интересы. Среди наиболее активных игроков можно выделить национал-демократическую партию, партию «Правые» (Die Rechte), «Движение за гражданские права земли Северный Рейн-Вестфалия» (pro NRW), партии «Третий путь» и «Альтернатива для Германии». Данные партии являются локальными и, безусловно, площадь их влияния на электорат весьма ограничена. Однако, учитывая текущую обстановку не только в Германии, но и в Европе в целом, нельзя говорить с уверенностью о дальнейшей судьбе данных партий. Действительно, в условиях масштабных миграционных потоков, увеличения числа мусульман в стране, создания мусульманских коммун в немецких городах, а также, безусловно, в условиях международного терроризма, который действительно приобретает глобальные формы, основные суждения, лозунги, принципы правых партий выглядят весьма логично и оправданно, поскольку речь идет не просто об интересах Европы или же интересах Европейского союза. Речь идет именно об акцентировании внимания на локальных проблемах, о поддержке именно немецкого населения, его нужд и интересов.

В определенном смысле скандальная Национал-демократическая партия Германии, которая является одной из старейших партий Германии и законность существования которой до сих пор ставят под сомнение, продолжает свое существование, смело пропагандируя традиционные немецкие ценности. В действительности в программных установках партии нет ничего радикального, наоборот, выглядит она скорее как некий трактат о патриотизме. У партии «демократия» имеет особое значение и смысл, так как особое место в самой программе партии уделено именно понятию «нация». Так как демократия прежде всего подразумевает власть народа, получается, что в контексте программного смысла, это не просто власть народа, а власть нации, то есть немецкое народовластие. Иными словами, мультикультурная, мультинациональная демократия не может существовать, поскольку демократия имеет четкую связь с определенной нацией, её благом и защитой.

Проблема иммиграции со всеми её проявлениями декларируется партией как универсальная причина всех экономических, социальных и политических проблем в стране. Решением же их является остановка иммиграционных потоков в страну, возвращение иммигрантов на родину и установление статуса-кво гомогенного в этническом плане общества. Основными причинами враждебного отношения национал-демократов к иммигрантам являются:

- убеждение, что мультикультурное общество способствует исчезновению идентичности немецкого народа;
- риск возникновения ситуации, когда при которой возникнет борьба за выживание немецкого народа в собственной же стране;
- отрицание возможности существования многонационального государства;
- увеличение возможности появления террористических угроз со стороны мигрантов-мусульман.

Стоит отметить тот факт, что все требования и причины «специфического» отношения партии к мигрантам могут казаться весьма логичными и оправданными для большинства населения Германии, поскольку они сводятся к простой схеме: «есть проблема -

избавясь от тех из-за кого она возникла». Данный вывод можно сделать, опираясь на данные исследования, которые были проведены «TNS Forshung» для немецкого издания «Spiegel». 84% респондентов в возрасте от 18 до 30 лет заявили, что ситуация с мигрантами приведет к длительным негативным последствиям для страны. 54% обеспокоены тем фактом, что из-за количества мусульман в стране возможность возникновения терактов в стране увеличивается.

Несмотря на то, что в официальных отчетах политические партии рассматриваются как элемент правого экстремизма и радикализма, в сущности, они скорее привносят теоретическую составляющую для действительно радикального правого сектора. В средствах массовой информации такие понятия как национализм, правый экстремизм, правый радикализм, националистический экстремизм часто подменяют друг друга, подразумевая все равно один феномен. Под радикализмом в западной традиции понимается скорее идеология, суждения, которые кардинально отличаются от общепринятого мнения и положений. В статье «Радикализм как «угроза» национальной безопасности в современной Российской Федерации» Л.А. Бенько и В.А. Должников отмечают тот факт, что в западных источниках, например, в «Немецком словаре политических терминов», само понятие «радикализм» не совпадает с понятием «экстремизма». В своей работе авторы делают вывод о том, что «радикализм» как «идеологию, как систему определенных политических взглядов недопустимо смешивать с «крайними», экстремистскими формами политических практик». Иными словами, можно придерживаться совершенно радикальных принципов и целей, но при этом не прибегать к методам, которые могут навредить правам и даже жизни других членов общества.

На фоне правых политических партий деятельность бригад неонацистов и свободных националистов представляет собой пример консолидации, как идеологических установок, так и радикальных действий. Отличительной чертой данной формы правого экстремизма являются насильственные методы борьбы с иностранцами. Поджоги, нападения на дома беженцев, преследования, жестокие избиения иностранцев стали новой действительностью ФРГ. Стоит отметить, что в случае с неонацистами, их действия подкреплены идеологической составляющей, имеющей свои корни в нацистском прошлом страны.

Так движение "Reichsbürger", объединение неонацистов, которые отвергают немецкое правительство и апеллируют к возрождению Третьего рейха, который, по их мнению, продолжал существовать и после 1945 года. Преступные действия группировки оправдываются ее членами опять все теми же интересами немецкого общества. В одной из социальных сетей активист движения "Reichsbürger" писал: «Мой инстинкт самосохранения говорит мне, что я должен уничтожить евреев и мусульман, прежде чем они уничтожат мой народ или мою семью».

Безусловно, никакие великие и благие цели не могут служить оправданием совершенных преступлений, однако, на мой взгляд, учитывая текущую накаленную обстановку в стране, следует учитывать и поведение самих мигрантов, которое, к сожалению, нельзя всегда назвать мирным. Так называемые «No-go areas» стали олицетворением пагубных последствий миграционного кризиса. Власти Германии упорно отрицают существование таких районов, но полицейские отчеты, показания полиции на местах и свидетельства местных жителей подтверждают, что некоторые крупные немецкие города окутаны беззаконием, где преступные мигранты узурпировали контроль над улицами. Это районы с большой концентрацией мигрантов, высоким уровнем безработицы и хронической зависимостью от социального обеспечения в сочетании с упадком городов стали настоящими инкубаторами для анархии. Существуют районы, где иммигрантские банды захватывают целые улицы: жители подвергаются запугиванию и вынуждены сохранять полное молчание, чтобы спокойно дойти до дома. Особенно полицейские испытывают на себе агрессию и неуважение со стороны «владельцев районов». Учитывая данные факты, можно предположить, что агрессивное поведение со стороны правых экстремистов, является определенной формой защитной реакции, желанием сохранить и отстоять «свое». В подобных условиях все громкие речи о толерантности, о стирании кросскультурных границ, о создании «Европы для всех» действительно выглядят не просто утопично, но и даже нелепо. В первую очередь для самих же европейцев. Нельзя осуждать немецкое правительство в том, что это его вина, что ряды экстремистских группировок пополняют все новые и новые молодые люди. Молодежная политика Германии сейчас охватывает интеграцию всех групп молодежи в образовательный

процесс, в рабочую среду с помощью «transition system», участие в общеевропейских программах, таких как «Erasmus+», однако она не является гарантией того, что молодежь не будет подвержена радикализации. Являясь самой по себе уязвимой возрастной группой, немецкая молодежь, растущая в период значительных перемен и трансформацией, не может не реагировать на происходящие в обществе перемены, причем речь идет не только о той части молодежи, которая является малообразованной и воспитывалась в неблагополучных семьях. В своей статье «Молодежь в центре внимания» Ральф Д. Хайнц и лейтенант Оливер Бюринг подчеркивают, что существует также и другой вид радикалов, которые высокообразованны и интегрированы в общество. Оба этих вида играют свою роль в экстремистских кругах, но именно образованные становятся их лидерами и организаторами. Большинство молодежи, восприимчивой к радикализации, имеет кое-что общее-это неспособность к самоопределению. Исследования показывают, что это приводит к потере экономического и социального статуса, который заменяется статусом в радикальных группах. Без явных средств для подъема по социальной и экономической лестнице молодые люди могут стать жертвой талантливых демагогов, которые разоблачают эти проблемы и показывают им путь к «микро-обществу», в котором человек может действительно что-то сделать для себя и найти полезное место в своей новой группе единомышленников.

В ФРГ, как и в других странах Европы, правый экстремизм действительно является той проблемой, к которой привлечено значительно внимание общественности и правительства. Безусловно, данный феномен портит и международный имидж страны, имидж и репутацию национального правительства, превращая его в глазах остальных стран в неспособное к решению своих внутренних проблем правительство. Можно долго дискутировать о причинах интенсификации развития феномена правого экстремизма, о неправильном подходе к воспитанию и образованию подрастающего поколения, которое сейчас пополняет ряды экстремистов. Однако пока сами мигранты будут создавать атмосферу агрессии и неуважения к немцам, пока будут повторяться вопиющие случаи, как случай в Кельне, пока люди, старающиеся помочь беженцам, будут получать от

них не уважение, а лишь проявления хамства, все усилия немецкого правительства, направленные именно на работу с радикалами и экстремистами, будет сводиться к нулю.

Библиографический список

1. Бенько Л. А., Должников В. А. Радикализм как «угроза» национальной безопасности в современной Российской Федерации // Известия АГУ 2012. № 4–1 (76). С. 234–237.
2. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии : В редакции от 13 ноября 1998 года.- URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942,100102944,100103619,100103727#text>
3. Хайнц. Р.Д Молодёжь в центре внимания/ Д.Х. Ральф//Per Concordiam.-Том 4 №1.-2013-С.28-33.-URL: http://www.marshallcenter.org/mcpublicweb/MCDocs/files/College/F_Publications/perConcordiam/pC_V4N1_ru.pdf
4. 2015 Annual Report on the Protection of the Constitution.-URL: <http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Downloads/EN/Broschueren/2016/vsb-kurzfassung-engl-2015.html>
5. Das Parteiprogramm der Nationaldemokratischen Partei Deutschlands (NPD).-URL: <https://medien.npd.de/dokumente/parteiprogramm>.
6. Refugee Crisis Drives Rise of New Right Wing in Germany.-11.12.2015.-URL: <http://www.spiegel.de/international/germany/refugee-crisis-drives-rise-of-new-right-wing-in-germany-a-1067384.html>
7. Soeren Kern. Inside Germany's No-go zones: Part I- North Rhine Westphalia// Gatestone Institute.-2016
8. Walther A. Transitions to work, youth policies and “participation” in Germany/A. Walther.-Dresden, 2001.-35 p. - URL: http://www.iris-egris.de/yoyo/pdf/YoYo_WP1_Germany.pdf
9. German raids target 'far-right extremists'. -25.01.2017.-URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-38748366>

Особенности германо-российского инвестиционного партнерства в XX веке и в начале XXI столетия

В статье рассматриваются основные особенности германо-российского инвестиционного партнёрства на протяжении XX в. и . Деловое партнёрство двух держав прошло серьёзные испытания, тем не менее, войны и период противостояния политических систем не смогли воспрепятствовать развитию взаимовыгодного экономического сотрудничества России и Германии.

Ключевые слова: Германия, Россия, инвестиционное сотрудничество.

This article is devoted to the main peculiarities of Russian-German investment partnership that have been vigorously developing since the beginning of the XX century till nowadays. Business partnership has undergone serious trials, but, nevertheless, wars and the entanglements of the period of the Cold war have not succeeded in hindering the further development of mutually beneficial economic cooperation between Russia and Germany.

Key words: Germany, Russia, investment cooperation.

Экономические взаимоотношения России и Германии имеют давнюю историю. В 1913 г. Германия была основным торговым партнёром Российской империи. В германском импорте Россия занимала второе место, на её долю приходилось 13,2 %. Третье место в германском экспорте (8,7 %) обеспечивало России надёжные позиции в торгово-экономических взаимоотношениях двух держав. И хотя партнёрство в скором времени прервалось ввиду начала Первой мировой войны и свершившейся в 1917 г. революции в России, обе страны получили опыт экономического взаимодействия. К тому же, Германия вынесла из этого опыта положительное впечатление о России как о перспективном партнёре с большим рынком сбыта и почти не разработанными залежами природных ресурсов и полезных ископаемых.

Новый этап развития экономического партнёрства пришелся на 1920-е гг. XX столетия. Этому поспособствовал ряд факторов. С одной стороны, Советская Россия стремилась восстановить свою разрушенную экономику, а также добиться признания на международной арене. Германия была заинтересована в новых источниках сырья и новых рынках сбыта для своих товаров.

В тот период экономическое сотрудничество двух держав в основном принимало форму концессионных соглашений. Оно

продолжалось вплоть до нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г., после чего было приостановлено ввиду состояния войны между странами.

После завершения Второй мировой войны СССР выстраивало отношения уже не с одной Германией, а с двумя немецкими государствами – ГДР, принадлежавшей к странам социалистического лагеря, и ФРГ, входившей в состав капиталистического блока. Отношения Советского Союза с Федеративной Республикой Германия были осложнены реалиями «холодной войны». Тем не менее, даже в условиях биполярной системы международных отношений, ФРГ входила в число основных торговых партнеров СССР среди западных государств.

После объединения ФРГ и ГДР в 1990 г. и распада СССР в 1991 г. в российско-германских отношениях начался новый этап. После назначения на пост канцлера ФРГ Г. Шредера в 1998 г. инвестиционное сотрудничество России и Германии значительно усилилось. И в последующие годы, в том числе после прихода к власти в Германии А. Меркель, партнерство двух стран в инвестиционной сфере продолжало развиваться. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. на территории России был реализован ряд крупных проектов с привлечением германского капитала. Так, например, на российский рынок вышли германские компании Knauf и Feka, специализирующиеся на производстве строительных материалов, компания Metro AG, один из лидеров в области розничной торговли, страховой концерн Allianz, входящий в число мировых лидеров в области страхования, крупные представители банковского бизнеса Германии, такие как Deutsche Bank AG и Commerzbank AG, а также Claas – гигант в области производства сельскохозяйственной техники – и Volkswagen – производитель автомобилей с мировым именем. Говоря о совместных инвестиционных проектах Германии и России, нельзя не упомянуть строительство «Северного потока» - газопровода между Россией и Германией, пролегающего по дну Балтийского моря. Официально этот проект стартовал в 2005 г., после образования North European Gas Pipeline Company. Международный консорциум из 5 крупных компаний был создан с целью планирования, строительства и последующего управления газопроводом. В декабре 2005 г. начались работы по

строительству подводящего газопровода на территории России. Подписание договора о начале строительных работ ознаменовало новую веху в истории германо-российских экономических отношений.

На сегодняшний день Германия является одним из крупнейших инвесторов России. При этом инвестиционная деятельность Германии в России имеет ряд особенностей.

Одной из них является ярко выраженная территориальная неравномерность распределения германских инвестиций на территории Российской Федерации. В настоящий момент подавляющее большинство инвестиций, поступающих из Германии в Россию, концентрируется в столичных регионах, в частности, в Москве и в Московской области, а также в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Таблица 1

Количество немецких компаний, зарегистрированных в Москве, Санкт-Петербурге и других регионах				
	Юридические лица	Представительства	Филиалы	Всего
Москва				
2010	2.110	661	78	2.849
2011	2.328	611	81	3.020
2012	2.323	574	88	2.985
2013	2.452	540	86	3.078
2014	2.453	488	85	3.026
Санкт-Петербург				
2010	710	46	21	777
2011	732	43	21	796
2012	692	47	20	759
2013	734	40	17	791
2014	704	41	18	763
Прочие регионы				
2010	2.385	46	34	2.465
2011	2.408	45	33	2.486
Окончание таблицы				
2012	2.276	49	40	2.365
2013	2.211	47	40	2.298
2014	2.131	37	43	2.211

*Источник: Российско-германская внешнеторговая палата.

Как видно из таблицы, по состоянию на 2014 г., в Москве было зарегистрировано 3026 предприятий с немецким капиталом, в Санкт-Петербурге насчитывалось 763 компании, а 2211 организации были распределены по остальным субъектам РФ.

Региональная неравномерность распределения инвестиций вызвана тем фактом, что иностранные инвесторы, в том числе немецкие, предпочитают вкладывать в регионы РФ, которые отвечают

следующим требованиям:

- развитая инфраструктура;
- емкий рынок сбыта;
- относительно высокая платежеспособность населения;
- диверсифицированная отраслевая структура экономики региона;
- выгодное экономико-географическое положение региона и его близость к внешним границам;
- активная и либеральная инвестиционная политика региональных властей.

При этом стоит отметить, что порядка 20 % российских регионов практически не представляют интереса для иностранных инвесторов. Данная проблема остро стоит в регионах с низким уровнем экономического развития. Это, в частности, агропромышленные республики Северного Кавказа (Северная Осетия) и национальные образования Сибири и Дальнего Востока (Эвенкийский АО, Агинский Бурятский АО, Тува и др.).

Другой особенностью германских капиталовложений в Россию является их отраслевая диверсификация. Немецкие инвесторы предпочитают осуществлять вложения в следующие отрасли российской экономики:

- оптовая и розничная торговля;
- электроэнергетика;
- металлургия;
- нефтегазовые и угольные месторождения;
- транспорт и связь;
- пищевая промышленность;
- химическая промышленность;
- электротехническая и электронная промышленность;
- автомобильная промышленность;
- производство стройматериалов;
- атомная энергетика;
- авиационное строение;
- деревообработка и целлюлозно-бумажное производство;
- транспортное и энергетическое машиностроение;
- биржевая деятельность в Москве;
- создание туристско-рекреационных зон.

Таким образом, экономическое партнерство Российской Федерации и Федеративной Республики Германия в инвестиционной сфере, имея глубокие исторические корни, активно развивалось не только в конце минувшего столетия, но и в начале нынешнего. На территории России реализовались и продолжают реализовываться крупные инвестиционные проекты с участием германского капитала.

Географическая неравномерность поступления германских инвестиций, их ярко выраженная диверсификация являются особенностями, характерными для вложений германского бизнеса в российскую экономику. Но главное, инвестиции не сворачиваются, невзирая на различные политические нюансы, возникающие во взаимоотношениях двух стран. В этой сфере экономическое партнёрство России и Германии имеет перспективы, в которых, без сомнения, заинтересованы обе стороны.

Библиографический список

1. Бондаренко Н.Н. Иностранные инвестиции в экономике России / Н.Н. Бондаренко // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2011. - № 3. – С. 153
2. Ерохина О.В. Концессии как форма экономического сотрудничества СССР и Германии в 20-е годы XX века / О. В. Ерохина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2011. - № 2(20). – С. 45 – 51.
3. Пахомов А. Торговые партнеры России: 100 лет спустя / А. Пахомов // Экономическое развитие России. - 2014. - Т. 21, № 2. - С. 28-30.
4. Российско - германская внешнеторговая палата [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://rusland.ahk.de/fileadmin/ahk_rusland/2015/Publikationen/2015_08_KB_Rusland_ru.pdf, свободный. – Загл. с экрана.
5. Gazprom launches construction of onshore section of North European Gas Pipeline [Electronic resource] // Gazprom Official Website. – 2005. – Режим доступа: <http://www.gazprom.com/press/news/2005/december/article63374/>, свободный. - Загл. с экрана.

Конструктивное формирование украинской идентичности после проведения Евромайдана

Одним из самых заметных последствий Евромайдана в Украине является радикальное изменение украинской национальной идентичности. Гражданские активисты и члены различных элит провозглашают свою возросшую украинскую самоидентификацию, гордость от принадлежности к гражданам Украины, привязанность к государственным символам, готовность защищать Украину и работать на ее благо. Большинство людей говорят о своем собственном опыте или опыте людей, которые их окружают, а некоторые обобщают эти индивидуальные изменения, делая вывод о возросшей консолидации украинской нации. Многие люди также упоминают о предполагаемой обратной стороне этой консолидации: отчуждении от России и даже враждебности по отношению к ней. Эти чувства направлены, прежде всего, на российское государство, но иногда также и на русский народ, который, кажется, в подавляющем большинстве поддерживает агрессивную и недемократическую политику Кремля [1].

Отношение и планы национально ориентированных политиков к национальным меньшинствам характеризуются исследователями по-разному: некоторые исследователи отзываются об ООН как организации, лишенной особой враждебности к другим национальностям, другие же – указывают на антисемитскую, антипольскую и антирусскую позиции и стремление устроить геноцид соответствующих меньшинств [2].

Один из аспектов современной политической жизни и формирования идентичности связан с восприятием украинского национализма в прошлом и настоящем. Сохраняющиеся советские стереотипы все еще сдерживают постсоветские изменения в восприятии населения, однако нынешняя российская агрессия способствует большему принятию националистических идей. Например, отношение к Степану Бандере, символу украинского националистического сопротивления советской и нацистской власти во время Второй мировой войны и после ее окончания, среди населения заметно улучшилось, хотя до сих пор негативное отношение немного

преобладает над позитивным [3]. В то же время, отношение к Иосифу Сталину, который окончательно уничтожил националистическое сопротивление в Украине и других частях Советского Союза, воспринимается как противник Бандеры, ухудшилось.

Степан Бандера стал известен украинский националист, член антикоммунистической мятежной группы под названием «Организация украинских националистов» (ОУН). Данная группировка проводила многочисленные нападения на советские колхозы и убивала многих советских чиновников. Когда Германия вторглась в Украину, ОУН работала с ними против Советского Союза и помогала Холокосту в борьбе с евреями и польским народом [4]. Националисты полагали, что национализм предполагает национальную исключительность или даже нацизм, в то время как народ убежден, что национализм означает любовь к своему народу и желание, чтобы страна была свободной.

Другой важный аспект идентичности связан с ролью украинского и русского языков. Хотя многие русскоязычные граждане гордо отстаивают свою украинскую идентичность, связывая ее не с этническим происхождением, а с гражданской принадлежностью. Публичный дискурс демонстрирует весьма различные мнения о влиянии такого выбора идентичности на языковую практику общества. Поддерживая свободное использование русского языка, большинство украинцев в то же время хотят, чтобы государство содействовало развитию украинского, который они воспринимают не только как язык государственного аппарата, но также как национальный атрибут. Нежелание руководства проводить политику активной поддержки украинского языка неминуемо вызовет неудовлетворенность большей части общества, которая считает титульный язык неотъемлемым элементом национальной идентичности.

Конструктивное формирование идентичности, регулируемое политиками Украины, изначально было направлено на моральное преимущество, которое должно порождать конструктивные и позитивные наставления – развитие украинского языка и культуры, их модернизация и создание универсальных контекстов, в которых язык и культура двигались бы в цивилизационных ориентациях и выходили на мировой уровень притязаний. Вместо этого украинские националисты продуцируют эмоциональные процессы негативных контекстов –

зависти, пренебрежения, подозрения, ненависти, мести и реванша.

Таким образом, сформировалась политика запрета, унижения несогласных и преследования других. Вместо позитивных процессов гражданского единства в контексте политической нации, образовался негативный процесс раздора в контексте этнической нации. В социальном плане это может привести к печальным последствиям, потому что такая эмоционально-наставническая позиция ведет к националистической диктатуре. На угрозу олигархической диктатуре националисты отвечают попыткой националистического реванша и мобилизацией общественного движения под знаменами националистов. И националистическая диктатура в этом случае не менее вероятна, чем олигархическая, потому что первая воспринимается как альтернатива второй, а затем как меньшее зло.

Поскольку формирование идентичности в Украине носит преимущественно политический характер, отказ от языковой и национальной идентичности с Россией, по мнению некоторых российских СМИ, основное условие принятия Украины в европейские структуры. Однако после заявления председателя правящей партии Польши "Право и Справедливость" Ярослава Качиньского 6 февраля 2017 года о том, что «Украина с Бандерой в Европу не войдет», украинским политикам придется искать новый образ для национального движения [5].

Таким образом, украинские националисты никаких преференций от революции не получили, потому что украинское общество боится роста радикального национализма в Украине как преграды для вероятного вступления страны в Европейский Союз.

Библиографический список

1. Одна нация, два языка? Национальная идентичность и языковая политика в Украине после Евромайдана. – URL: http://www.ponarseurasia.org/ru/memo/201509_Kulyk (Дата обращения: 01.06.2017).
2. Организация украинских националистов (бандеровское движение). – URL: http://wikionline.ru/wiki/index.php?title=Организация_украинских_националистов (Дата обращения: 02.06.2017).
3. The drama of oligarchic dictatorship and nationalist revanche in Ukraine // Euromaidan Press. – <http://euromaidanpress.com/2017/05/01/nationalist-revanchism-or-oligarchic-dictatorship/> (Дата обращения: 01.06.2017).
4. Степан Бандера: биография <https://24smi.org/celebrity/255-stepan-bandera.html> (Дата обращения: 02.06.2017).
5. Украина с Бандерой в Европу не войдет – Качиньский // Европейская правда. – URL: <http://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2017/02/6/7061227/> (Дата обращения: 03.06.2017).

Статут Каталонии 1979 г. в контексте институционализации национального в политической сфере региона

Автор анализирует проблемы конституциональной институционализации национализма в Каталонии после начала процессов политической демократизации. Особое внимание уделено Конституции Испании как фактору политической консолидации. Автор затрагивает проблемы регионального конституционного процесса в Каталонии.

Ключевые слова: Каталония, Испания, национализм, политический транзит, право

The author analyzes problems of the constitutional institutionalization of nationalism in Catalonia after the beginning of political democratization processes. The special attention is paid to Spanish Constitution as an agent of political consolidation. The author touches upon problems of regional constitutional process in Catalonia.

Keywords: Catalonia, Spain, nationalism, political transition, law

Во второй половине 1970-х годов в условиях начавшихся процессов политического транзита после падения франкистской диктатуры в Испании начались процессы территориально-административной реформы, связанные с конституционными переменами как на национальном (государственном), так и региональном уровнях.

Уступки Мадрида 1977 года не означали полного восстановления автономии для Каталонии: для региона наступил период т.н. «предавтономии» в виду того, что автономный статус мог быть институционализирован только после принятия новой Конституции. Вероятно, на этапе предавтономии Каталония может быть интерпретирована в категориях квазигосударственности: в регионе авторитарное наследие играло существенную роль в политической жизни, возросло значение фактора национализма в политических процессах. С другой стороны, важнейшим фактором, который способствовал выделению Каталонии и регионализации испанского политического пространства был, вероятно, географический фактор в виду того, что в функционировании квазигосударственных акторов значительную роль играет «преимущественно географическая обусловленность существования данного политического образования» [Лукичев, Скорик, 1994. С. 139 – 142.]. Во второй половине 1970-х годов

правлящие элиты предприняли шаги, направленные на то, чтобы допустить институционализацию политического регионализма, связанного с региональными национализмами, в наименьшей степени. Именно поэтому не произошло возвращения в конституционную модели 1930-х годов, которая фактически предусматривала федерализацию Испании.

Именно в результате политических маневров кастильских элит, которые вынужденно лавировали между кастильским национализмом и региональными националистическими вызовами, была принята новая испанская Конституция, ставшая, по мнению американского политолога Хуана Линца, успешной попыткой создания «новой демократии и нового типа государства» [Линц, 2007. С. 147]. Одной из центральных идей Конституции стала идея существования в Испании политической испанской нации. Именно поэтому преамбула к Конституции открывается от имени «испанской нации». Именно эта испанская нация в первой статье Конституции фигурирует как «носитель национального суверенитета и источник государственной власти», оставляя за абстрактным политическим сообществам решение принципиально важных вопросов и увязывая именно с ним функционирование регионов, обладающих значительной спецификой. С другой стороны, авторы Конституции были вынуждены признать, что наряду с испанцами, как политической нацией, на территории Испании проживают и другие народы. Вместе с тем, во второй статье делались значительные уступки регионам, которым гарантировалась автономия при сохранении политического и территориального единства Испании.

Испанская Конституция выдержана в первую очередь в интересах политического центра и связанных с ним кастильскоязычных регионов. Об этом свидетельствует третья статья Конституции, которая в качестве государственного языка объявляет кастильский, указывая на то, что «все испанцы обязаны его знать». Остальные языки, согласно Конституции, не имеют общегосударственного статуса, являясь «официальными в соответствующих автономных сообществах» [Poggeschi, 1999. P. 313 – 324; Poggeschi, 2001. P. 85 – 102]. Четвертая статья разрешила Автономным Сообществам использование своей собственной символики при условии равноправного представления в

ней в общественных местах и государственных учреждениях общенациональной испанской символики.

Важность Конституции состояла в том, что она фактически легализовала националистическое движение в Каталонии, позволив ему институционализироваться в виде политических партий. Это стало возможным в силу шестнадцатой статьи Конституции, гарантировавшей «свободу идеологии». Несмотря на то, что Конституция Испании не провозглашает страну федерацией [Gerre Landín, 1979. P. 53 – 86], в тексте Основного Закона присутствуют элементы асимметричного федерализма. Хорватский исследователь В. Катуранич полагает, что процесс демократизации, с одной стороны, активизация национальных движений, с другой, привели к трансформации Испании в «полуфедерацию», для которой характерны тенденции децентрализации [Katunarić, 1992. S. 9]. С другой стороны, следует принимать во внимание, что в испанской политологии Испании интерпретируется не как страна с элементами федерализма в территориальном устройстве, но как составное государство [Вернье, 2003. С. 61 – 76; Ardittis, 1998. S. 413 – 421; Moreno, Arriba, Serrano, 1998. P. 65 – 88]. Статья 137 Конституции Испании предусматривает существование на ее территории муниципий, провинций и Автономных Сообществ [Арбос Марин, 2003. С. 77 – 87; Роман Мартин, 2003. С. 88 – 98; Аја, 1986], которые обладают различными правами. С другой стороны, статья 138 указывает на то, что различный статус провинции и Автономного Сообщества не наделяет последнее экономическими преимуществами перед первым. Согласно Конституции, условием для создания Автономного Сообщества наличие общих черт в языке, культуре и традиции провинций, образующих АС. При этом Статья 145 значительно ограничила права АС, запретив им объединяться в федерации в рамках Испании. Статья 148, тем не менее, разрешала АС развивать и поддерживать собственные языки, традиции и культуры, отличные от кастильского языка и традиций.

После принятия новой испанской Конституции в Каталонии началась разработка автономного статута, а 25 октября 1979 года в регионе прошел референдум, утвердивший Статут [Кастелла Андрю, 2003. С. 42 – 60; Aguado Renedo, 1996; Aja Fernández, 1999; Alberti Rovira, 1992 – 1993. P. 223 – 246.]. Статут АС Каталонии выдержан в

духе умеренного политического каталонского национализма. В преамбуле Статута доминирует идея континуитета и непрерывности в развитии государственной и политической традиции в Каталонии. Основной текст Статута открывается с декларации того, что Каталония и каталонцы являются национальностью, институционализированной в Автономное Сообщество в соответствии с Конституцией Испании. Националистический контент заметен в Статье 3 Статута, которая объявляет каталонский язык на территории Каталонии официальным наряду с испанский, который, согласно Статуту, является официальным в Испании. В этом контексте проводится идея отделенности Каталонии от Испании: если не политической, то языковой и культурной. Статут легализовал и политические символы каталонского национализма – флаг, состоящий из четырех красных полос на желтом фоне. Статья 29 Статута в значительной мере способствовала институционализации каталонского национализма, трансформации каталонцев из исторической нации с уникальными языковыми и культурными традициями в политическую нацию. В Статье 29 декларировалось, что Автономное Сообщество Каталония имеет свои органы власти – парламент и правительство, возглавляемое президентом.

Таким образом, к началу 1980-х годов каталонский национализм, в демократической Испании, на фоне активизации региональных и регионалистских политических трендов, определяемых в рамках создания регионализированного государства, достиг значительных успехов в институционализации националистического дискурса, что дало возможность каталонским националистам на протяжении 1980-х годов консолидировать каталонское общество, подготовив его для националистических мобилизаций 1990-х годов, связанных с движением за новую редакцию Статута Каталонии.

Библиографический список

1. Арбос Марин К. Отношения между государством и автономными сообществами / К. Арбос Марин // КФ. – 2003. – № 3. – С. 77 – 87.
2. Вернье Ж. Испания как составное государство / Ж. Вернье // КФ. – 2003. – № 3. – С. 61 – 76.
3. Кастелла Андрю Ж.М. Статут автономии в испанском государстве автономий / Ж.М. Кастелла Андрю // КФ. – 2003. – № 3. – С. 42 – 60.
4. Линц Х. Испанская демократия и государство автономий / Х. Линц // КФ. – 2007. – № 3 – 4. – С. 147.

5. Лукичев П.Н., Скорик А.П. Квазигосударственность / П.Н. Лукичев, А.П. Скорик // Полис. – 1994. – № 5. – С. 139 – 142.
6. Роман Мартин Л. Учредительная система автономных сообществ / Л. Роман Мартин // КФ. – 2003. – № 3. – С. 88 – 98.
7. Aguado Renedo C. El Estatuto de Autonomía y su posición en el ordenamiento jurídico / C. Aguado Renedo. – Madrid, 1996.
8. Aja Fernández E. Estado autonómico. Federalismo y hecho diferenciales / E. Aja Fernández. – Madrid, 1999.
9. Aja T. El sistema jurídico de las Comunidades Autonomas / T. Aja – Madrid, 1986.
10. Alberti Rovira E. Estado autonómico e integración política / E. Alberti Rovira // Documentación Administrativa. – 1992 – 1993. – No 232 – 233. – P. 223 – 246.
11. Ardittis S. Belgijski federalni put / S. Ardittis // MP. – 1998. – Vol. 50. – No 3 – 4. – S. 413 – 421.
12. Gerre Landín M. Las Comunidades Autónomas en la Constitución española de 1978 / M. Gerre Landín // RJC. – 1979. – No 2. – P. 53 – 86.
13. Katunarić V. Centar, periferija i regionalizam: “tvrda” europska postmoderna / V. Katunarić // DI. – 1992. – Br. 1. – S. 9.
14. Moreno L., Arriba A., Serrano A. Multiple identities in decentralized Spain: The case of Catalonia / L. Moreno, A. Arriba, A. Serrano // RFS. – 1998. – Vol. 8. – No 3. – P. 65 – 88.
15. Poggeschi G. Linguistic Rights in Spain / G. Poggeschi // Minority Rights in Europe. European Minorities and Languages. – Hague, 2001. – P. 85 – 102.
16. Poggeschi G. The linguistic struggle in the Almost Federal Spanish System / G. Poggeschi // The Constitutional and political Regulation of Ethnic Relations and Conflicts. – Ljubljana, 1999. – P. 313 – 324.

Миграционный кризис в Европе: причины и последствия для ЕС

Наряду с рождаемостью и смертностью, миграция является процессом, влияющим на количественный и качественный состав населения стран и регионов мира. При этом данное влияние приводит, порой, к глобальным изменениям в таких сферах, как политика, экономика, культура, социология, психология и право.

Со второй половины XX века человечество является свидетелем резкой интенсификации миграционных потоков, которые являются следствием глобализации, охватившей весь мир и все сферы общественной жизни и создающей глобальную по своему масштабу систему взаимосвязи стран и народов мира.

Согласно официальной статистике ООН количество международных мигрантов постоянно растет: в 1990 году оно равнялось 154 млн. человек, в 2000 – 175 млн., в 2013 году составило 232 млн. человек или 3,2 процента мирового населения, а в 2015 году достигло уже 244 миллионов. Последняя цифра включает в себя почти 20 миллионов беженцев [1; 8].

Особый интерес в данном случае вызывает сильнейшая с конца Второй мировой войны миграционная волна в страны Европейского Союза, поскольку сам факт увеличения миграционного притока на европейский континент свидетельствует о серьезных политических и экономических трансформациях, происходящих в мире.

Иммиграция в страны Европы происходила на протяжении многих лет, а ее основными причинами во второй половине 20 века были следующие.

Во-первых, окончание Второй мировой войны и послевоенные события, в том числе послевоенное изменение границ, были связаны с репатриацией миллионов военнопленных и гражданских лиц. В целом, только в процессе ликвидации тяжелых последствий второй мировой войны за 1945 – 1951 гг. государственные границы пересекли около 30 млн. человек [2; 8; 9].

Во-вторых, это распад колониальной системы, который сопровождался изменением характера отношений между бывшими колониями и метрополиями что, в конечном итоге, привело к большим

изменениям в направлениях, масштабах и формах миграционных потоков. В частности, резко сократился выезд европейцев в страны Азии и Африки, а поток мигрантов и репатриантов из этих стран в страны Европы, наоборот, возрос. Кроме того, сегодня наблюдается тенденция эмиграции из стран бывших колоний в страны их бывших метрополий, что объясняется не только разницей в экономическом развитии этих стран, но и исторической и языковой общностью метрополий и колоний, что способствует лучшей интеграции мигрантов в европейские страны [3, 10].

В-третьих, одной из причин стремления мигрантов на север стали демократические преобразования в странах Европы. Возрастание торгово-экономического и промышленного потенциала европейских государств, создание общего, а позже единого рынка привели к развитию миграции на экономической основе, а Европа стала крупнейшим в мире центром притяжения рабочей силы. Так, к 1990-х гг. численность иностранцев только в странах ЕС, по некоторым данным, достигла 17 млн. человек, а доля Европы в общем объеме мировых международных миграций увеличилась до 20% [4; 5].

В-четвертых, распад СССР и социалистического лагеря привел к увеличению потока граждан восточноевропейских государств в Западную Европу.

В-пятых, локальные конфликты, начавшиеся в бывшей Югославии, в государствах Африки и Ближнего Востока стали причиной новой миграционной волны в конце 20 века. Поток иммигрантов в ЕС помимо трудовых мигрантов состоял из беженцев. Причиной этому стали разного рода конфликты – политические, этнические, военные, а также природные бедствия, в результате которых люди были вынуждены покинуть места своего постоянного проживания. В 1992 году на континенте было зарегистрировано около 700 тысяч вынужденных мигрантов, что было максимальным показателем для послевоенной Европы [6; 7].

В первом десятилетии 21 века миграционный приток в страны ЕС то увеличивался, то сокращался – в зависимости от политической и экономической ситуации в странах исхода мигрантов. Однако сегодня мы наблюдаем беспрецедентную миграционную волну, обрушившуюся на Европу. Началом этой волны стал 2010 год - год начала кровавых

событий, получивших название «арабской весны» [8].

Арабская весна – это революционная волна демонстраций, восстаний и протестов, начавшаяся в арабском мире с протестов в Тунисе 18 декабря 2010 года. Вскоре она перекинулась на Алжир, Йемен, Египет, Западную Сахару, Ливан, Оман, Саудовскую Аравию, Судан, Сирию, Бахрейн, Ливию, Ирак и другие государства арабского мира. В некоторых государствах произошли небольшие протесты (Иордания, Марокко, Оман, Кувейт), но в основном они сопровождались свирепыми войнами, самосожжением, массовыми беспорядками, унесшими жизни десятков, сотен или даже тысяч людей (Египет, Ливия, Сирия).

В итоге, согласно подсчетам Международной организации по миграции, по различным причинам (вооруженные конфликты, терроризм, бедность и нищета) сухопутным и морским путями на территорию стран ЕС в 2015 года прибыли 1 046 599 мигрантов, в 2016 году – 387 789 мигрантов. Большинство из прибывших являются беженцами из самых экономически и политически неустойчивых регионов планеты - стран Центральной и Северной Африки (Нигерия, Гвинея, Конго и т.д.) и Ближнего Востока (Сирии, Ирака и Афганистана) [11; 12].

Сегодня Европейские страны переживают миграционный кризис, который Еврокомиссия признала крупнейшим за всю историю существования Европейского Союза. Размеры и продолжительный характер этого кризиса вызвали неоднозначную реакцию в мире. Некоторые, обращаясь к опыту Римской империи, восприняли миграционный кризис как начало конца европейской цивилизации. Для других (Н.Ю. Узунова, Джордж Сорос), нынешняя ситуация с мигрантами стала проявлением неэффективности европейских институтов и организационных структур, созданных для регулирования миграционных потоков, символом провала политики «управляемой миграции» [14; 16].

Для современной науки, однако, миграционный кризис в Европе не явился чем-то неожиданным. По мнению многих специалистов, таких как Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, он представляет собой кумулятивный эффект взаимодействия целого ряда факторов, таких как мировой экономический кризис, углубление социального

неравенства во многих странах, последствия военных конфликтов и гражданских войн, дестабилизация этих стран и т.д.

Следует так же отметить, что за исключением нескольких категорий мигрантов (трудовые мигранты, легальные и нелегальные мигранты, а также беженцы), настоящий миграционный кризис характеризуется сильнейшим национально-этническим разнообразием мигрантов, являющихся представителями разных культурно-цивилизационных моделей, имеющих отличную от европейской систему ценностных ориентиров. Они пришли из стран, социально-политические модели которых еще не достигли уровня развития правового государства западного образца. Прежде всего, они являются представителями другой религии, большинство из них – мусульмане. И, несмотря на высокую степень толерантности, которой достигли в процессе своего социального развития народы Западной Европы, они настороженно относятся к представителям культуры, настолько несхожей с их культурными ценностями [13; 15].

Немаловажным является и то, что основная масса миграционного потока изначально нацелена на то, чтобы добраться до экономически и социально развитых регионов ЕС. Это связано, прежде всего, с высокими социальными гарантиями для мигрантов в этих странах и дружественной миграционной политикой. К таким регионам относятся, прежде всего, страны Центральной и Северной Европы – Германия, Франция, Швеция, Великобритания. Страны Южной Европы (Греция, Италия, Испания) и Юго-Восточной (Венгрия, Словения, Македония и т.д.) являются, в основном, странами первичного приема и транзита на пути миграционного потока [17].

Представляется, что большой интерес для исследования причин и последствий миграционного кризиса составляет определение потерь стран, попавших под миграционную волну. Но следует учитывать, что миграционный кризис является также общеевропейской бедой, имеющей во многом трагические последствия.

Прежде всего, уже наблюдается кризис Шенгенской зоны. Как выяснилось, не все государства Европы оказались готовы к размещению столь большого числа мигрантов. Это привело к тому, что Европейские страны перестали работать как один сплоченный механизм, обострились многие межгосударственные противоречия, а

во внутригосударственной политике стали преобладать идеи защиты интересов собственной страны и безопасности граждан. Так, например, 16 января 2016 года Австрия временно приостановила действие Шенгенского соглашения. Венгрия начала строительство второй стены на границе с Хорватией. На внутригосударственных границах стран Шенгенской зоны был усилен контроль [16].

Наряду с появлением пока что неразрешенных противоречий между странами-членами ЕС, наблюдаются кризисные явления внутри отдельных государств. Сегодня мы являемся свидетелями роста популярности крайних правых партий во внутриполитической жизни стран. Европа, еще недавно проникнутая духом демократии, приоритетом защиты прав и интересов человека, обращается к идеям консерватизма и даже национализма. В частности, все большую популярность набирают «Датская народная партия» в Дании, «Движение пять звезд» в Италии, «Альтернатива для Германии» в ФРГ, «Национальный фронт» во Франции и т.д. [18]

Еще одним последствием миграционного кризиса может стать обострение этнических конфликтов в странах ЕС. Согласно точке зрения президента Чехии – Милоша Земана, мусульмане не смогут интегрироваться в европейское общество. По словам Земана, «весь опыт государств Западной Европы, уже принимавших многочисленных выходцев из мусульманских стран, говорит о том, что интегрировать людей с другой религией и культурой практически невозможно, особенно, если их становится так много. У мусульман своя культура, традиции, которые существенно отличаются от европейских».

Однако представляется, что наиболее опасным последствием наплыва мигрантов в Европу является рост терроризма. Недавние теракты в Париже, Ницце и Берлине, которые так сильно потрясли Европу, стали доказательством того, что у терроризма сейчас исключительно "ближневосточное лицо". И это тот факт, который очень серьезно влияет на общественное мнение в странах Европы.

Все вышеназванные последствия миграционного кризиса приводят к относительно новому явлению в европейском доме – евроскептицизму. Впервые этот термин был употреблен в 1971 году в Великобритании в среде противников членства в ЕС, а сегодня он препятствует углублению интеграционных процессов на Европейском

пространстве.

Не вызывает сомнений тот факт, что на итоги Brexit и недавнего референдума в Италии кризис мигрантов имел самое непосредственное отношение. Высока вероятность того, что кризис окажет серьезное влияние на итоги будущих выборов в Германии, как повлиял во Франции, где выборы уже состоялись. И во многом именно от ответа на вопрос, как разрешить кризис мигрантов будет зависеть судьба как Европейского Союза, так и будущего всей Европы.

Библиографический список

1. Barber T. The decline of Europe is a global concern / T. Barber // Financial Times. – 21.12.2015. – URL: <https://www.ft.com/content/ddfd47e8-a404-11e5-873f-68411a84f346> (дата обращения: 13.05.2017)
2. Das sind die Folgen der Rekord-Zuwanderung // Welt. – 22.03.2016. – URL: <https://www.welt.de/wirtschaft/article153557276/Das-sind-die-Folgen-der-Rekord-Zuwanderung.html> (дата обращения: 26.04.2017)
3. International Migration Report 2013 // United Nations. – dec. 2013. - URL: http://esa.un.org/unmigration/documents/worldmigration/2013/Full_Document_final.pdf#page=7 (дата обращения: 22.04.2017)
4. Flows Compilation 2015 // International Organization for Migration. – URL: <http://doe.iom.int/docs/Flows%20Compilation%202015%20Overview.pdf> (дата обращения: 22.04.2017)
5. Flows Compilation 2016 // International Organization for Migration. – URL: http://migration.iom.int/docs/2016_Flows_to_Europe_Overview.pdf (дата обращения: 22.04.2017)
6. Guterres A. Refugees have the right to be protected / A. Guterres // TED.com. – dec. 2015. – URL: https://www.ted.com/talks/antonio_guterres_refugees_have_the_right_to_be_protected (дата обращения: 15.05.2017)
7. Kanzler Faymann: Österreich setzt Schengen-Regeln „temporär außer Kraft“ // Sputnik Deutschland. – 17.01.2016. – URL: <https://de.sputniknews.com/politik/20160117307156857-oesterreich-schengen-regeln-ausser-kraft/> (дата обращения: 24.04.2017)
8. Soros G. Saving Refugees to Save Europe / G. Soros // Project syndicate. – 12.09.2016. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/comprehensive-european-refugee-plan-by-george-soros-2016-09?barrier=accessreg> (дата обращения: 13.05.2017)
9. Ungarn baut noch einen Zaun // Tagesschau.de. – 27.02.2017. – URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/ungarn-zaun-105.html> (дата обращения: 24.04.2017)
10. Австрия ограничивает действие Шенгена и усиливает проверку на границе // РИА Новости. – 16.01.2016. – URL: <http://ria.ru/world/20160116/1360663972.html>
11. В 2015 году число мигрантов достигло 244 миллионов // United Nations / UN News Centre. – 12.01.2016. – URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25229#.WPuE1e8vUbc> (дата обращения: 22.04.2017)
12. География мирового населения: миграции населения // География. – URL: <http://geographyofrussia.com/migracii-naseleniya/8/> (дата обращения: 22.04.2017)
13. Куранов А. Президент Чехии: интеграция мусульманских общин практически невозможна / А.

- Куранов // РИА новости. – 17.02.2016. – URL: <http://ria.ru/world/20160117/1360969005.html> (дата обращения: 24.04.2017)
14. Максаковский В.П. Географическая картина мира, Кн. II: Региональная характеристика мира / В.П. Максаковский. - М.: Дрофа, 2009. – С. 13.
 15. Миграционный кризис в Европе: причины, последствия, перспективы разрешения / Р.М. Гасанов // VIII Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум 2016». – URL: <https://www.scienceforum.ru/2016/1834/23426> (дата обращения: 24.04.2017)
 16. Рязанцев С.В. Современная вынужденная миграция в странах Европы / С.В. Рязанцев // Демоскоп Weekly. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2002/057/analit05.php> (дата обращения: 22.04.2017)
 17. Тюркин М. Евросоюз нерушимый? / М. Тюркин // Однако. - № 26 (135) от 24.09.2012. – URL: <http://www.odnako.org/magazine/material/evrosoyuz-nerushimiy/> (дата обращения: 13.05.2017)
 18. Узунова Н.Ю. Влияние миграционного кризиса на обострение противоречий в ЕС / Н.Ю. Узунова // Российский институт стратегических исследований. – 15.12.2015. - URL: <https://riss.ru/analytics/24283/> (дата обращения: 13.05.2017)
 19. Юнкер: миграционный кризис перерастает для ЕС в кризис солидарности // РИА Новости. – 03.02.2016. – URL: <https://ria.ru/world/20160203/1369087509.html> (дата обращения: 15.05.2017)

**«Денес над Македонија се раѓа ново сонце на слободата»:
формирование политического национального пространства в СР
Македони
во второй половине 1940-х годов**

Среди славянских литератур наиболее молодой является македонская, что вызвано рядом факторов, а именно – замедленной социальной динамикой, поздним включением местных интеллектуалов в процесс создания современной нации и конструирования национальной идентичности, длительным влиянием со стороны мощных соседних литературных и политических традиций, которые были склонны воспринимать македонское как местное и периферийное проявление болгарского или сербского. Для созданной во второй половине 1940-х годов СР Македони в составе обновленной Югославии особое значение имело культивирование македонской идентичности. Значительная роль в этом процессе принадлежала македонским националистам-интеллектуалам, которые кодифицировали язык, став первыми авторами произведений на новом литературном языке.

Особое место в поэтических текстах, созданных македонскими интеллектуалами в СР Македони, занимают те, которые связаны с конструированием особого образа македонца как борца, разбойника и революционера.

В этой ситуации в рамках македонской национальной идентичности формировалась мифология националистического ребела, вооруженного протеста, вызванного как национальными, так и социальными лозунгами. Формирования идеологии македонского национального ребела было невозможно без создания пантеона героев-жертв, которые пали в борьбе против сербского и болгарского национализма. Во второй половине 1940-х годов, в условиях активной формовки нового националистического дискурса и формовки интеллектуалов, его носителей, наилучшим кандидатом на национальную канонизацию оказался Коста (Кочо) Рацин – македонский националист и поэт, погибший в 1943 году. Македонских националистов, которые во второй половине 1940-х годов политически

канонизировали К. Рацина не смущало и то, что значительную часть своих произведений тот написал на болгарском и сербском языке [1]. В 1946 году было инициировано издание сборника произведений К. Рацина [2], составители которого позиционировали Косту как македонского поэта и борца именно за македонский народ. Одним из инициаторов издания 1946 года, Димитаром Митревем, декларировалось, что в центре деятельности К. Рацина была «народната борба за национална и политичка слобода» [3].

Сами тексты, подобранные для публикации 1946 года, были призваны сформировать идеи политической лояльности и новой македонской идентичности. Значительное внимание акцентировалось на социальном контенте новой идентичности и на социальной, классовой несправедливости прошлого: «Роди се човек - роб биди, роди се човек - скот умри, скотски цел живот работи за други, туѓи имоти» [4]. Социальный контент борьбы, которую ведет «црн народ» [5], в национализме К. Рацина играл значительную роль: «Скотски е, скотски живот аргатски, у темно засидан, до скот сме сниско попритиснати на овој свет убав... И кој раздвои, и кој раздвои, човек од човек со сид? И кој паправи, и кој направи човек на човека роб! Та човек од човек да страда и тегне и бега од лулка до гроб!» [6]. С другой стороны, тексты были призваны акцентировать внимание на особом характере македонской идентичности, как идентичности крестьянина, работника, вечно угнетаемого соседями.

Поэтому, для восприятия наследия К. Рацина во второй половине 1940-х годов было характерно не только акцентирование внимания на неравноправном положении македонцев в период между двумя мировыми войнами в Болгарии и Югославии («...Белград е ламња, во Белград ја роб...» [7]), но и внимание к моментам традиционности, патриархальности, идеализации македонского села и крестьянского труда: «...покрај ниви, покрај лаки, покрај снискине брегови, вода тече - вода влече селски солзи, селски мака селски таги и јадови. Извор вода извираше, плодно поле наливаше – плодно поле род народи...» [8]. Идеи, которые закладывал Коста Рацин, оказались востребованными в дальнейшем функционировании македонского националистического дискурса. Македонские националисты в некоторой степени их трансформировали, но в целом следовали за традицией Рацина,

базирувавшейся на восприятии македонского национализма как комплексного протеста, имеющего этнический, политический и социальный контент.

Помимо формирования национального пантеона, в который усилиями македонских националистов, был интегрирован Кочо Рацин, в рамках македонского националистического дискурса во второй половине 1940-х годов предпринимались попытки сформировать так же и особый дискурс политической культуры и лояльности, интегрировав в него элементы македонской народной традиции, которые гарантировали бы его национальный этнический характер. В этой ситуации македонские националисты предприняли попытку сформировать новый дискурс восприятия македонской народной культуры. Одним из инициаторов подобной стратегии националистического и политического воображения был Блаже Конески, который в 1947 году выступил в качестве редактора сборника македонских народных песен. В своем, идеологически выдержанном в соответствии с требованиями и нормами политического канона, предисловии В. Малески-Тале настаивал, что «борба за народна Слобода» [9] нашла свое отражение в народной культуре, которая воспринималась им как сфера политического и национального протеста. В. Малески-Тале констатировал, что народная песня всегда имела национальный (этнический) и политический (социальный, антибуржуазный) контент. Именно поэтому, тексты, включенные в издание 1947 года, были призваны способствовать формированию новой идентичности, политической и социальной лояльности.

Тексты формировали образ борющейся за свободу и независимость, социальную справедливость новой национальной и антикапиталистической Македонии: «во Македонија нема слободија, младежта гнилее во темни зандани» [10]. В этом контексте смерть в борьбе становится политически и национально маркированной («...јунак да ми биде, јуначки да умре за Македонија...» [11]), формируется комплекс героев-националистов, павших в борьбе за «слобода, слобода македонска» [12], за независимость Македонии. С другой стороны, в рамках народного поэтического дискурса политическая экзистенция македонца отмечена участием в национальной и политической борьбе («...сите содружно бој да

тргнеме, в бој за слободна Македонија. Доста е ропсто, доста тиранство, доста трпевме клети фашисти. Пушка на рамо, нож во раката – кај партизани право в гората. Таму се вее крваво знаме, на знаме пише: Смрт на фашисти. Смрт на фашизмот – слобода на народот, слобода за нашта Македонија...» [13]), протекавшей под лозунгами политического национализма.

Народная поэтическая традиция активно использовалась македонскими националистами во второй половине 1940-х годов для конструирования образа врага: «А бре Македонче, каде се спремаш? Борба те чека, борба за слобода. Момци накитени, моми наредени, в борба ми влагат, борба за слобода. Нека разберат крвави фашисти: македонско име нема да загине!» [14]. В качестве неаттрактивного образа фигурировала, как правило, Болгария, которая в македонском националистическом дискурсе ассоциировалась с фашизмом («млада партизанка да станам, на Пелистерска планина, на Лавчанската корија, кај дванајсетте кладенци. Таму си клетва зедовме со фашисти да се биеме, слобода да добиеме за ваша Македонија!» [15]) и национальным угнетением македонцев.

В этой ситуации политическая полемика с Болгарией, которая крайне негативно восприняла появление СР Македонии, обрела мощный националистический бэк-граунд, связанный с устойчивыми представлениями о болгарине как о враге, характерными для традиционного сознания значительной части македонцев во второй половине 1940-х годов. Во второй половине 1940-х годов, культивируя новую идентичность македонские националисты уделяли особое внимание советским нарративам, конструируя позитивный образ СССР как защитника и покровителя Македонии, борца против буржуазного Запада: «Советска Русија и Македонија! Советска Русија голема држава и она ми брои двесте милиони. Таму нема веке гол и бос да одеш, многу да работеш – пак за леб да трпеш. Таму нема веке гадове буржуи, и клети шпиуни. Советска Русија и Македонија!» [16].

Кроме образа СССР в политической культуре ранней послевоенной Македонии существовал и образ Сталина («...дедо Сталин си напери една пушка убојна. Дедо Сталин, тој му тргна во десното крилце му. Това падна, сал се валка и не може да стани. Не ми беше црно орле тук ми беше Хитлер свер...» [17]), который функционировал как

преимущественно политический образ, почти лишенный национального контента. Аналогичные настроения во второй половине 1940-х годов были характерны для македонских авторов, в частности – для Славко Яневски: «...од Москва зборот на Сталин го слуша Китаец в Китај, од Белград децата мали слушаат песни за Тито...» [18]. Подобные мотивы заметны и в стихотворении того же С. Яневски «Письмо советским пионерам»: «сме слушале многу ние за вас, драги пионери, од Ленинград, Москва, Киев... А за Сталин силна љубов во срцата наши бие» [19]. С другой стороны, в македонском национализме не сложились особые русские нарративы, связанные с прогрессивным и позитивным русским влиянием, что было характерно, например, для политических культур в союзных и автономных республиках СССР.

Во второй половине 1940-х годов македонские интеллектуалы, интегрируя в македонский политический дискурс народную культуру, особое внимание акцентировали на вооруженной борьбе македонцев («Денес над Македонија се раѓа. Ново сонце на слободата. Македонците се борат за својте правдини!» [20]) как акте национального и политического протеста, а так же на ее результатах, важнейшим из которых должна была стать институционализация самой идеи Македонии как македонской республики («...ни погинаа многу другари, но изгонивме сите фашисти што поробија нашата земја и ограбија нашиот народ. Да ни живее омладината, да ја уреди Републиката...» [21]) и независимого государства или равноправного участника новой югославской федерации: «...горите македонски шумно пеат бојни песни, нови весници: “Македонија слободна, слободна ќе живеј!”» [22]. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов идея республики стала своеобразным универсальным политическим кодом в поэтическом и политическом языке СР Македонии: «Од бујниот Вардар до Соча и Драва во секое срце денес радост плива, – Републико наша, мила братска стрео, да си вечно славна, да си вечно жива. По нашите градои, фабрики, села, далеку одовде до Јадранско море, ден нека се слави, Републико мила, глас нека се чуе до небото горе! Армијата наша, народите наши се слеани сите во Твојата сила... Републико моја, мајко, наша мила... Републико наша, наше дружно дело... Републико наша, наша братска стрео, да си вечно славна, да си вечно жива!» [23]. Республиканская идея, вероятно, была проявлением

модернизационных трендов в рамках националистического дискурса, а столь пристальный интерес к македонской теме со стороны интеллектуалов-националистов свидетельствует о том, что республиканские идеи воспринимались ими как одна из основ не только новой политической идентичности, но и политической лояльности.

В значительной степени аналогичные настроения и попытки культивировать концепт политического братства мы можем найти в поэзии Славко Яневски второй половины 1940-х годов: «Србин и Хрват со таа пруга, почин ќе барат в Охрид и Струга. Стружанец в Белград гост ќе е чекан, Словенец в Босна, в полиња меки, весел ќе биде, оро ќе вие... Затоа, земјо, градиме ние!» [24]. На этом фоне югославская тема («...удрите, браќа, бите се славно за слободната Македонија и за нашата Југославија. Тито е тука, веќе пристигна и што е живо на нозе дигна. Ќе победиме тие фашисти, нашата земја ќе се очисти! Бивме се славно рамо до рамо со сите браќа Југословени...» [25]) явно уступала чисто македонским нарративам, что свидетельствует о стремлении македонских националистов, как форматоров нового националистического дискурса, во второй половине 1940-х годов выступать именно в качестве македонских националистов, хотя идеи лояльности Югославии и Йосипу Броз Тито («Таму ми се партизани, партизани, партизанки. Малесија сонце греит, Маршал Тито да живеит» [26]) играли свою роль.

В этом контексте интеграция народной традиции в националистический дискурс была призвана способствовать развитию политической и исторической памяти, утверждая идею континуитета не только между различными поколениями македонских националистов, но и результатами их политического и вооруженного ребела; формированию политического национализма и идентичности новой гражданской македонской нации.

Примечания

1. В частности, известное стихотворение «Да бидеш човек» К. Рацин написал на сербском языке. Позднее на македонский оно было переведено македонским поэтом Гане Тодоровски. См.: Рацин К. Да бидеш човек / К. Рацин / пер. од српски Г. Тодоровски // http://marxists.org/makedonski/tematska/poezija/da_bides_covek.htm
2. Рацин К. Песни / К. Рацин. – Скопје, 1946. – 54 с.
3. Рацин К. Песни / К. Рацин. – Скопје, 1946. – С. V – VII.
4. Рацин К. Денови / К. Рацин // Рацин К. Песни / К. Рацин. – Скопје, 1946. – С. 17.

5. Рацин К. Копачите / К. Рацин // Рацин К. Песни / К. Рацин. – Скопје, 1946. – С. 41 – 42.
6. Рацин К. Скотски е, скотски живот аргатски / К. Рацин // Рацин К. Песни / К. Рацин. – Скопје, 1946. – С. 31.
7. Рацин К. Проштавање / К. Рацин // Рацин К. Песни / К. Рацин. – Скопје, 1946. – С. 22 – 23.
8. Рацин К. Селска мака / К. Рацин // Рацин К. Песни / К. Рацин. – Скопје, 1946. – С. 19.
9. Малески-Тале В. Предговор / В. Малески-Тале // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 5 – 13.
10. Лулела е мајка // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 14.
11. Лулела е мајка // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 15.
12. Да запејке една песна // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 34 – 35.
13. Ајдете, браќа // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 18 – 19.
14. А бре Македонче // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 17. Во второй половине 1940-х важную роль в формировании политической мифологии и образа врага играли нарративы, призванные описать чуждый капиталистический мир. В увлечении подобными сюжетами был замечен и Славко Яневски: «...заводи празни, молкнати стројој, а крај нив безброј штрајкачи стојат. Работа нема за сите во овој милионски град, нема ни пионери... капнуат деца од глад... Народот измачен – роб е, за жал – владее овде цар Капитал...». См.: Јаневски С. Преку океан / С. Јаневски // Јаневски С. Милиони џинои. Приказни за Петгодишниот план / С. Јаневски. – Скопје, 1948. – С. 35 – 37.
15. Ај што ми е мило и драго // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 20.
16. Советска Русија и Македонија // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 16.
17. Да запејке една песна // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 34 – 35.
18. См.: Јаневски С. Чудни разговори / С. Јаневски // Јаневски С. Милиони џинои / С. Јаневски // Јаневски С. Милиони џинои. Приказни за Петгодишниот план / С. Јаневски. – Скопје, 1948. – С. 14.
19. Јаневски С. Писмо до советските пионери / С. Јаневски // Јаневски С. Милиони џинои / С. Јаневски // Јаневски С. Милиони џинои. Приказни за Петгодишниот план / С. Јаневски. – Скопје, 1948. – С. 31.
20. Денес над Македонија се раѓа // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 61.
21. Борба се почна за слободата // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 55 – 56.
22. Денес над Македонија се раѓа. – С. 61
23. Николески В. Републико! / В. Николески // Николески В. Мое село / В. Николески. – Скопје, 1950. – С. 8 – 9.
24. Јаневски С. Чудни разговори. – С. 19.
25. Борба се почна за слободата. – С. 55.
26. Глас се слуша, мајко, на далеку // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 60.

Библиографически список

1. Ај што ми е мило и драго // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 20.
2. Јаневски С. Преку океан / С. Јаневски // Јаневски С. Милиони џинои. Приказни за Петгодишниот план / С. Јаневски. – Скопје, 1948. – С. 35 – 37.
3. Ајдете, браќа // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 18 – 19.
4. Борба се почна за слободата // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 55 – 56.
5. бре Македонче // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 17.
6. Глас се слуша, мајко, на далеку // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 60.
7. Да запејке една песна // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 34 – 35.
8. Денес над Македонија се раѓа // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 61.
9. Лулела е мајка // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 14.
10. Малески-Тале В. Предговор / В. Малески-Тале // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 5 – 13.
11. Николески В. Републико! / В. Николески // Николески В. Мое село / В. Николески. – Скопје, 1950. – С. 8 – 9.
12. Рацин К. Да бидеш човек / К. Рацин / пер. од српски Г. Тодоровски // http://marxists.org/makedonski/tematska/poezija/da_bides_covek.htm
13. Рацин К. Денови / К. Рацин // Рацин К. Песни / К. Рацин. – Скопје, 1946. – С. 17.
14. Рацин К. Копачите / К. Рацин // Рацин К. Песни / К. Рацин. – Скопје, 1946. – С. 41 – 42.
15. Рацин К. Песни / К. Рацин. – Скопје, 1946.
16. Рацин К. Проштавање / К. Рацин // Рацин К. Песни / К. Рацин. – Скопје, 1946. – С. 22 – 23.
17. Рацин К. Селска мака / К. Рацин // Рацин К. Песни / К. Рацин. – Скопје, 1946. – С. 19.
18. Рацин К. Скотски е, скотски живот аргатски / К. Рацин // Рацин К. Песни / К. Рацин. – Скопје, 1946. – С. 31.
19. Советска Русија и Македонија // Од борбата. Народни песни / собрал и редактирал Б. Конески. – Скопје, 1947. – С. 16.

Энергетическая дипломатия России в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Одним из наиболее важных направлений развития российской энергетической политики в настоящее время становится эффективное взаимодействие со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). В данной работе рассматриваются анализы основных нормативно-правовых документов Российской Федерации, регламентирующих внешнеполитические аспекты в целом и энергетическую политику в частности. Также исследуются основные направления энергетической политики России в АТР и оценка их перспективности.

Разработка правильной и эффективной стратегии участия России на мировых энергетических рынках является приоритетным направлением энергетической политики страны. Важность данной сферы для российской экономики нашла свое отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2010 г., утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. Энергетическая безопасность характеризуется как одно из «главных направлений обеспечения национальной безопасности в экономической сфере на долгосрочную перспективу». В качестве основных условий обеспечения национальной и глобальной энергетической безопасности выделяются многостороннее взаимодействие в интересах формирования отвечающих принципам Всемирной торговой организации рынков энергоресурсов, разработка и международный обмен перспективными энергосберегающими технологиями, а также использование экологически чистых, альтернативных источников энергии.

В Стратегии также выделяются основные элементы энергетической безопасности, а именно: «устойчивое обеспечение спроса достаточным количеством энергоносителей стандартного качества, эффективное использование энергоресурсов путем повышения конкурентоспособности отечественных производителей, предотвращение возможного дефицита топливно-энергетических ресурсов, создание стратегических запасов топлива, резервных мощностей и комплектующего оборудования, обеспечение стабильности функционирования систем энерго- и теплоснабжения».

В конце 2009 г. Правительство РФ утвердило Энергетическую стратегию России на период до 2030 г., в которой подтверждалась адекватность большинства ее важнейших положений реальному процессу развития энергетического сектора страны даже в условиях резких изменений внешних и внутренних факторов, определяющих основные параметры функционирования топливно-энергетического комплекса России. В качестве одной из задач, решение которой необходимо для достижения стратегической цели внешней энергетической политики, является содействие формированию единого европейско-российско-азиатского энергетического пространства.

Рассматривая проблему обеспечения энергетической безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, следует отметить, что три ведущие региональные державы – Китай, Япония и Индия – являются ключевыми акторами на азиатской политической арене. Если ранее модель их взаимодействия могла быть охарактеризована, скорее, как конкурентная, в последние годы явно прослеживается тенденция на выработку коллективной стратегии по обеспечению региональной энергетической безопасности.

Обеспечение энергетической безопасности в Азии совмещает в себе глобальный и региональный контексты. С одной стороны, это конкуренция за энергоресурсы между новыми азиатскими экономиками и традиционными участниками, такими как страны Европы и Соединенные Штаты Америки, с другой – развивается взаимодействие в сфере энергетики и между странами региона, например, между Китаем и Индией или Китаем и Японией.

Взаимодействие с Российской Федерацией в сфере энергетики в последние годы развивается усиленными темпами. После трагедии на Фукусиме Токио вынужден искать новый баланс между стремлением диверсифицировать импорт энергоресурсов и учетом рисков при налаживании политического диалога с Москвой, направленного на организацию поставок на азиатский рынок углеводородов из Восточной Сибири.

В основе энергетической дипломатии Японии лежит взаимодействие с ключевыми экспортерами углеводородов из числа стран Ближнего Востока (Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ), Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия, Бруней), Северной и Южной

Америки (Канада, Мексика), а также с Австралией. Вместе с тем в последние годы активно развивается сотрудничество по новым перспективным направлениям, а именно с Россией. Со второй половины 2000-х гг. ведется активное взаимодействие в рамках проектов «Сахалин-1», «Сахалин-2», строительства второй очереди нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО), разведки нефтегазовых ресурсов Восточной Сибири, подписания новых соглашений о поставках каменного угля (Республика Саха (Якутия), Сахалин, Приморье), модернизации российских нефтеперерабатывающих и нефтехимических мощностей, а также налаживания взаимодействия в сфере энергосбережения и новых источников энергии.

Китай, благодаря своему соседству с Россией и нуждаясь в постоянно растущем объеме ресурсов, активно развивает взаимодействие в сфере энергетики. Так, например, по трубопроводу «Сковородино – Дацин», который является ответвлением ВСТО, с начала 2011 г. начали осуществляться поставки российской нефти.

Еще одним важным шагом как для Китая, так и для России является подписание тридцатилетнего контракта на поставку российского газа в Поднебесную по газопроводу «Сила Сибири» из Чаяндинского месторождения в Республике Саха-Якутия (по пути Якутск – Хабаровск – Владивосток). Само начало работ по реализации данной газотранспортной системы закладывает основу для последующих переговоров с Китаем в возможности расширения «восточного маршрута».

В рамках вышеупомянутого проекта планируется строительство завода по производству сжиженного природного газа (СПГ) и завода химических удобрений в Приморье, а также газоперерабатывающего и газохимического комплексов в Амурской области. Это позволит активизировать в регионе создание необходимой инфраструктуры для углеводородного сырья.

С марта 2013 г. российская сторона активно пытается возобновить переговоры относительно проекта «Азиатское суперкольцо», обсуждение которого началось еще в начале 2000-х гг. В проекте предусматривалась интеграция энергетических систем России, Южной Кореи, Китая, Японии, однако в 2003 г. проект был заморожен.

После трагедии на Фукусиме вернуться к его обсуждению предложила японская сторона.

Напомним о том, что Россия обладает самыми крупными запасами энергетических ресурсов в мире, развитой промышленной базой и мощным научно-техническим потенциалом в сфере топливно-энергетического комплекса (ТЭК), что дает ей возможность играть заметную роль в мировой энергетике и решении проблем, ее затрагивающих.

Сегодня перед энергетической политикой России стоят важные задачи. В частности, ей необходимо реформировать электроэнергетику, либерализовать рынок электроэнергии, провести реформу атомной энергетики. Должны быть найдены решения для создания более благоприятных налоговых условий в нефтегазовом комплексе. Российской Федерации следует стимулировать развитие нефтеперерабатывающих и нефтегазовых предприятий, а также продвижение биржевой торговли энергоресурсами. Немаловажными задачами становятся устранение избыточных административных барьеров в деятельности энергетических компаний, а также активная реализация инфраструктурных проектов, которые должны стать основой развития отечественной энергетики.

В целях выполнения задачи диверсификации экспортных энергетических рынков и товарной структуры экспорта российской стороной реализуется ряд стратегических инфраструктурных проектов, нацеленных на обеспечение энергетической безопасности: «Восточная Сибирь – Тихий океан», БТС-2, нефтепроводные системы «Север» и «Юг», газопроводы «Северный поток», «Южный поток», «Сахалин – Хабаровск – Владивосток», многониточная газопроводная система с полуострова Ямал.

На Дальнем Востоке в рамках Восточной газовой программы формируются пять центров газодобычи и газопереработки – в Красноярском крае, Иркутской области, республике Саха (Якутия), на Камчатке и Сахалине, объединенных системой магистральных трубопроводов. Также заслуживает внимания развитие Россией портовой и транспортной инфраструктуры для перевозки жидких углеводородов (нефти, конденсата, сжиженного природного газа, широкой фракции легких углеводородов).

В контексте многовекторной внешней политики Российской Федерации также важное и всевозрастающее значение имеют Азиатский и Азиатско- Тихоокеанский регионы, имеются в виду как диалоги на двусторонней основе, так и многосторонние форматы, такие как ШОС, БРИКС, АСЕАН и т.д. Одной из важнейших практических задач, стоящих перед российской нефтегазовой промышленностью, является диверсификация поставок нефти и газа на экспорт, и в первую очередь за счет развития взаимовыгодного сотрудничества со странами Азии, прежде всего с Китаем.

Россия сформировала мощный «энергетический пакет» услуг для стран АТР. В его основе – разнообразные предложения от нефтегазовых, угольных, электрогенерирующих и горнодобывающих российских компаний. Этот пакет содержит весь спектр энергетических возможностей страны – от гибких цен, удобных маршрутов до долевого участия в разработке и разведке месторождений для наиболее перспективных партнеров. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России открыто 140 крупных месторождений нефти и газа и планируется открытие еще 220 месторождений. К 2020 г. только эти регионы России будут давать ежегодно по 70–75 млн нефти и 140 млрд кубометров газа. Среди стран АТЭС не очень много государств – производителей, поставщиков углеводородов. Это Россия, Вьетнам, Индонезия. Круг стран, остро нуждающихся в энергоносителях, значительно шире. Это и огромный Китай, и две Кореи, и Япония, и страны латиноамериканского континента, а также большая часть государств Юго-Восточной Азии.

Итак, сегодня восточный вектор российской энергетической дипломатии определяется четырьмя основными факторами: – необходимостью компенсировать падение добычи на истощающихся месторождениях Западной Сибири и ускорить разработку нефтегазовых месторождений в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке; – перспективой роста спроса на нефть и газ на европейских рынках, который выглядит весьма скромным, а на востоке – Китая с его самым быстрорастущим в мире рынком энергоресурсов; – стремлением устранить слабое звено путем привлечения на Дальний Восток огромных капиталовложений (как отечественных, так и иностранных); – наращиванием экспорта энергоресурсов в восточном направлении.

Одним из активных участников региональных проектов в сфере энергетики в АТР является Российская Федерация. В последние годы интерес к данному региону у России растет, концептуально подчеркивается значение расширения ее участия в региональных процессах в АТР, в том числе связанных с поставками российского газа, нефти и нефтепродуктов.

Развитие нефтяной, газовой, угольной промышленности и электроэнергетики не только укрепит позиции на азиатских энергетических рынках, но и усилит роль России как мирового энергетического лидера. Выход Российской Федерации на энергетические рынки Азиатско-Тихоокеанского региона станет хорошим стимулом к развитию Дальневосточного региона, поэтому разработка комплексной энергетической стратегии России в АТР, а также активное ее участие в интеграционных региональных объединениях, занимающихся решением вопросов в сфере энергетики, крайне необходимы.

Библиографический список

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>
2. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 года № 1715-р. – URL: <http://minenergo.gov.ru/aboutminen/energostrategy/>
3. Идем на сближение // Российская газета // Электронный ресурс – (<http://www.rg.ru/2013/03/11/sbljienie.html>)
4. «Азиатское суперкольцо» // ТАСС. Информационное Агентство России // Электронный ресурс - (<http://tass.ru/ekonomika/3589949>)

Особенности развития агропромышленного комплекса Дании на современном этапе

Новые реалии мировой политики вынуждают искать новые пути решения проблемы импортозамещения и продовольственной безопасности. В статье анализируется опыт Дании по поиску путей дальнейшего развития АПК и работа правительства по данному вопросу. Также затрагивается тема споров вокруг экологической цены развития АПК.

Ключевые слова: АПК; Дания; правительственный кризис; экологическое регулирование; Эсбен Лунде Ларсен.

Modern realities of international policy lead to the search of new ways of solving the problems of import substitution and food security. Denmark's experience in the search of ways of future AIC enhancement together with the government work in the mentioned realm are being analyzed in the article. Ecological consequences among with AIC improvement are also being discussed in the following article.

Keywords: AIC; Denmark; government crisis; environmental regulation; Esben Lunde Larsen

Весной 2014 года Республика Крым входит в состав Российской Федерации, что вызывает обмен санкциями между Россией и Западом в лице ЕС, США, Канады, Австралии и Норвегии. 6 августа 2014 года Россия вводит в качестве ответной меры продовольственное эмбарго. После секторальных санкций и ответного продовольственного эмбарго остро встает вопрос о возможностях импортозамещения. Наиболее зависимыми от импорта оказались сельское хозяйство, машиностроение и сфера информационных технологий. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации была принята еще в 2010 году, а в 2014 в неё уже вносились изменения. Изучение успешного опыта других стран полезно при любых обстоятельствах. В данном случае наша страна оказалась в иных внешнеэкономических обстоятельствах, чем другие страны. Поэтому при анализе сельскохозяйственной политики иностранных государств следует учитывать стоящие перед ними цели.

Одним из государств, сочетающих сильную промышленность и эффективное сельскохозяйственное производство, является Дания. Кроме того, страна выгодно отличается уровнем жизни и развитой социальной сферой.

Сельское хозяйство является одним из ключевых секторов национальной экономики. Оно характеризуется высокой степенью

механизации и автоматизации. В данном секторе действует 38800[8] ферм. В настоящее время доля пищевых продуктов в экспорте составляет 19%[8]. Главным экспортируемым продуктом является свинина. На втором месте по важности стоит молоко. Дания является хорошим примером, как страны-экспортера продовольствия, так и страны с развитой агропромышленной интеграцией и кооперацией.

В феврале 2016 года в правительстве Дании разразился скандал вокруг Продовольственного пакета соглашений 2015 и министра сельского хозяйства. Из-за этих разногласий могло уйти в отставку все правительство меньшинства. Несмотря на то, что АПК является одним из важнейших звеньев датской экономики, очевидно, что мало кто ожидал такого опасного поворота событий.

В августе премьер-министр Ларс Лёкке Расмуссен давал интервью датскому журналу Politiko[7]. Из интервью можно сделать логичный вывод, что краеугольным камнем для премьер-министра является работа правительства. Но ситуация такова, что он вынужден обращать особое внимание на проблему беженцев и проблему с безработицей. Это приводит к некоторому переплетению внешней и внутренней политики. Ситуация осложняется тем, что его правительство является правительством меньшинства и зависит от парламентской коалиции.

Премьер-министр в интервью затрагивал вопросы социального страхования, социального обеспечения, бюджета. Но очевидно, что больше всего его волновали ситуация в парламенте и возможности, которыми обладало его правительство. Конкурентоспособный агропромышленный комплекс не затрагивался в разговоре, так как не имел очевидных проблем важных для многих избирателей.

Продовольственный и сельскохозяйственный пакет соглашений 2015[5] был заключен в декабре 2015 года внутри правоцентристской коалиции, которая оказалась у власти после парламентских выборов летом 2015 года. Соглашение заключили правительство, Консерваторы, Датская народная партия и Либеральный альянс. Партии договорились голосовать за необходимое законодательство по реализации соглашения. Соглашение предусматривает 30 инициатив в области продовольствия и сельского хозяйства, в том числе изменение экологической парадигмы сельского хозяйства.

Особое внимание в Пакете уделено вопросам экологии и окружающей среды. Если провести контент-анализ, то можно увидеть, что среди наиболее часто употребляемых слов с нейтральной окраской будут азот и вода. Из этого можно сделать вывод о значимости вопроса экологического регулирования. Если обратиться к тексту, то становится понятно, что главной целью пакета соглашений является смена парадигмы экологического регулирования, а все остальные цели будут являться результатом этой смены - экономический рост, создание новых рабочих мест, инновации. Побочный позитивный эффект может быть достигнут благодаря экологическим исследованиям, открытиям предприятий на новых территориях. Вода так часто употребляется по причине того, что является основным средством доставки азота от фермы к морю.

Предполагается, что при снижении выбросов азота надо ориентироваться на то, что есть территории, где это действительно необходимо, а есть территории, где в этом нет нужды. Тем более, что необходимо укрепить положение фермеров и повысить их конкурентоспособность.

Важность этого вопроса объясняется тем, что индустриализация свиноводства (важнейшая отрасль АПК Дании) ведет к повышению уровня загрязнения окружающей среды (выбросам азота) путем выбросов парниковых газов и жидких стоков. В целом, действующие правила воспринимаются правящей коалицией как чрезмерные в некоторых областях. Инициативы является третьим в списке словом среди положительных, что подтверждает курс на действия по изменению регулирования.

На данный момент мы знаем точно, что министру сельского хозяйства и окружающей среды Еве Кьер Хансен пришлось уйти в отставку в феврале этого года. Её обвиняли в том, «что она намеренно ввела общественность и парламентариев в заблуждение, представляя новый пакет аграрных реформ, влияние которых на окружающую среду, по мнению экспертов из Копенгагенского университета, в действительности будет куда большим, чем утверждает Хансен»[1].

Из Пакета становится понятно, что экологическое регулирование сельского хозяйства является одним из главных вопросов, обсуждаемых в парламенте и правительстве. Это связано с тем, что в

Дании ослабление экологического законодательства может способствовать экспорту, конкурентоспособности, появлению новых рабочих мест.

В декабре 2015 года после подписания Пакета в кругах правящей коалиции господствовали нейтрально-позитивные настроения. Это было вызвано предстоящими действиями по изменению экологического регулирования, которое может принести дивиденды в виде новых рабочих мест, повышения конкурентоспособности фермерских хозяйств, роста экспорта и так далее. Принятия пакета ждали и фермеры. Председатель совета сельского хозяйства и продовольствия Мартин Меррилд подтвердил, что фермеры ожидают принятие пакета, так как он поможет им в некоторой мере: «Конечно мы должны заботиться о нашей окружающей среде. Но мы должны делать это правильно. В настоящее время регулирование было очень дорогостоящим для Дании и не имело особенного воздействия на окружающую среду. Поэтому я очень рад, что стороны соглашения осознали, что интенсивное сельское хозяйство может легко устойчиво управляться. Несмотря на то, что условия работы для датских фермеров упрощаются, они по-прежнему находятся под влиянием более ограничительных правил, чем фермеры в других странах ЕС»[3]. Но было заметно, что оппозиция может воспринять данные инициативы отрицательно, что вынуждало правоцентристов в введении к пакету соглашения и заголовках делать акцент на другие задачи. Например, Датское общество по охране окружающей среды недовольно соглашением. Президент Ассоциации по охране природы, Элла-Мария Бишоп-Ларссен считает, что, хотя сельское хозяйство и получает руку помощи, нельзя забывать о природе. «Этот пакет не является спасителем для сельского хозяйства от того, что создает больше рабочих мест и больше роста. Вместо этого он нападает на датскую местность, которая уже является одной из самых бедных в мире»[3]. Не только зеленые, но и социал-демократы видели проблемы с новым соглашением. Докладчик от социал-демократов при обсуждении пакета Саймон Коллеруп объясняет, почему социал-демократы не включились в пакет: «мы готовы взять на себя ответственность за отрасли, которые создадут новые рабочие места и рост, но мы думаем, что они должны идти с прогрессом на зеленой стороне»[3]. Дания ищет новые

возможности увеличения продуктивности сельского хозяйства и пищевой промышленности в увеличении нагрузки на окружающую среду. Но отличие от развивающихся стран, к которым мы причислим Россию, в том, что электорат и оппозиция не даст такой политики шанса.

29 февраля 2016 года на должность министра окружающей среды и продовольствия был назначен Эспен Лунде Ларсен[2].

Работа министра одобряется фермерами. Об этом можно судить по заявлению Президента Датского сельскохозяйственного союза Ютландии. «Это важно для фермеров, что у нас есть министр, который знает и понимает сельское хозяйство, и мы довольны его подходом к вещам. Мы позитивно относимся к упрощению правил, но есть еще возможности для совершенствования»[6].

Поддержку фермеров отмечают и другие стороны. Некоторые считают, что в своей работе министр забывает о потребителях и думает больше о сельскохозяйственных производителях. Так считает, Питер Хогстед. Также он добавляет, что министр выбирает сторону лучших животных, а не потребителей, которые хотят выбрать лучше (выгоднее и дешевле) для себя[4].

Продовольственный пакет 2015 был призван открыть прибрежные зоны для животноводства и снизить уровень экологического регулирования, но привел к правительственному кризису. Этот случай показал, какие сложности могут возникнуть при поиске новых путей для развития АПК. Высокоразвитый АПК Дании может столкнуться с препятствиями для роста сразу по нескольким направлениям. Фермеры и правительство ищут новые пути. Например, ранее была разработана концепция скандинавской ниши, из-за дороговизны разделки свинины происходит рост вывоза животных, а из-за дороговизны участков многие фермеры кооперируются и покупают участки за границей для выращивания пшеницы и т.д.

Библиографический список

1. Дания столкнулась с правительственным кризисом // Взгляд. – URL.: <http://www.vz.ru/news/2016/2/24/796066.html>
2. Премьер-министр Дании переформировал правительство // ИА Regnum. – URL.: <https://regnum.ru/news/polit/2088820.html>
3. Gormsen C. Eva Kjer: Ny aftale tager hånd om naturen og skaber vækst / C. Gormsen // Altinget. – URL.: <http://www.altinget.dk/artikel/eva-kjer-ny-aftale-tager-haand-om-naturen-og-skaber-vaekst>
4. Hoegsted P. Minister med manglende format / P. Hoegsted // BLOG: MÅLTIDSAKTIVISTEN. – URL.: <http://peterhoegsted.blogs.business.dk/2016/05/10/minister-med-manglende-format/>
5. Foedevare og landbrugspakke // Miljø- og Fødevarerministeriet. – URL.: <http://mfvm.dk/landbrug/vaekst-eksport-og-arbejdspladser/foedevare-og-landbrugspakke/>
6. 300 til møde med Esben Lunde: "Tag en journalist med hjem til køkkenbordet" // landbrugsavisen.dk. – URL. - <http://landbrugsavisen.dk/%C3%B8konomi/300-til-m%C3%B8de-med-esben-lunde-tag-en-journalist-med-hjem-til-k%C3%B8kkenbordet>
7. Sørensen K. «Det er med mere ro i maven denne gang» / K. Sørensen // Politiko. – URL.: <http://www.politiko.dk/nyheder/det-er-med-mere-ro-i-maven-denne-gang-2>
8. Statistical Yearbook of Denmark 2015 // Statistics Denmark. – URL: www.dst.dk/yearbook